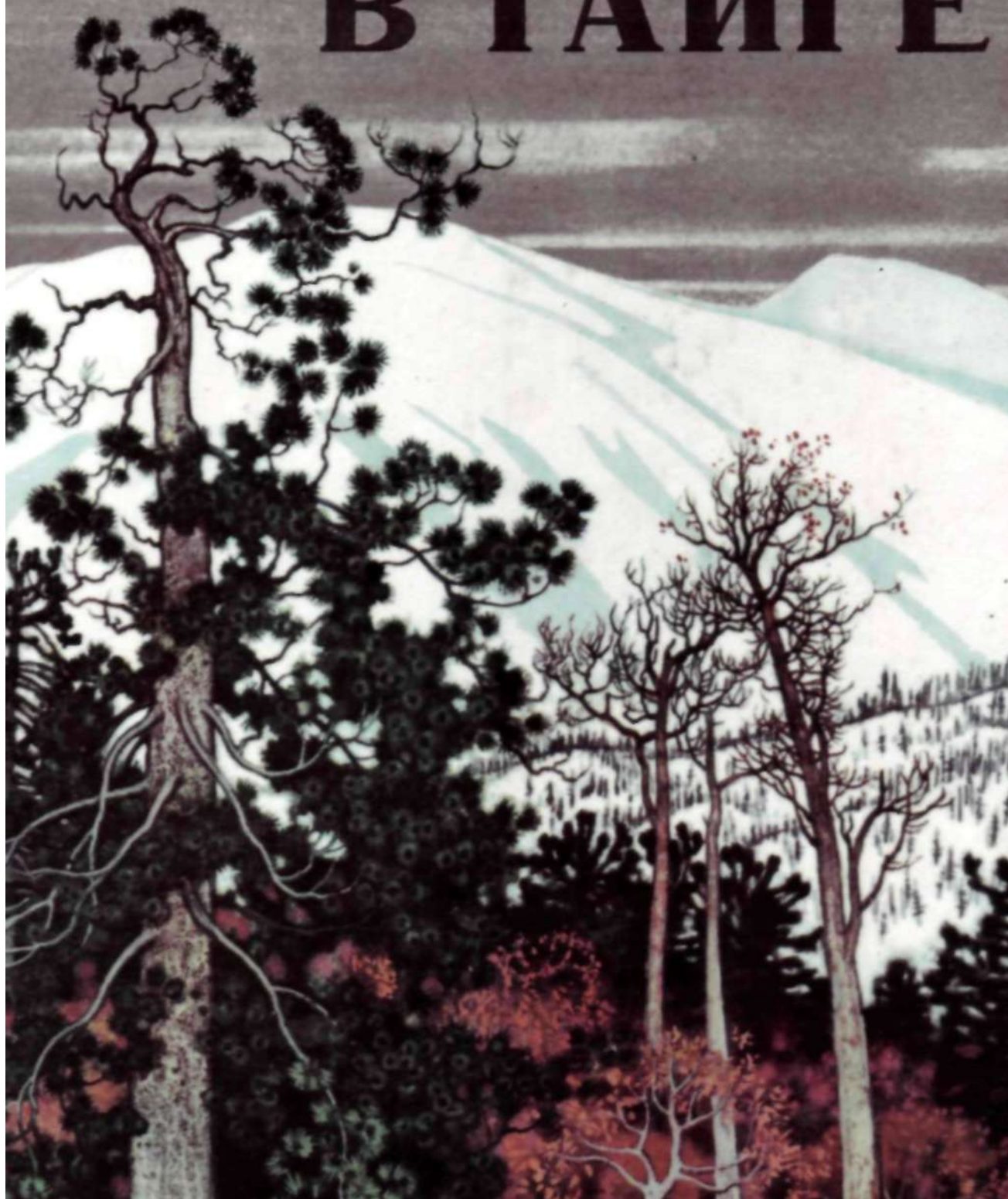

В. К. АРСЕНЬЕВ

ВСТРЕЧИ В ТАЙГЕ

В. АРСЕНЬЕВ

ВСТРЕЧИ В ТАЙГЕ

Рассказы

Художник Л. Т. Кузнецов

Хабаровское книжное издательство
1981

Следопыт Дальнего Востока

Давно, в конце прошлого века, молодым офицером приехал Владимир Клавдиевич Арсеньев на Дальний Восток.

Владивосток был тогда совсем молодым городом. Там, где сейчас стоят большие каменные дома, где по широким улицам ходят трамваи и автобусы, тогда росли леса, в которые нередко заходили тигры.

Арсеньев с детства увлекался географией. Интерес к дальним странам и привёл его сюда, на берега Тихого океана.

Воинская часть, в которой он служил, оберегала границы государства. Молодой офицер стал знакомиться с окрестностями Владивостока и побывал на вершинах гор, окружавших город.

Командир полка заметил, что новый офицер любит бродить по сопкам с ружьём в руках, и назначил его начальником охотничьей команды. Она состояла из добровольцев-стрелков, любящих тайгу и охоту. Арсеньев делал большие переходы, изучал дороги и тропы. Но это были ещё не путешествия, а только разведки. В них закалялся характер будущего путешественника, он узнавал тайгу и её обитателей.

Перед Арсеньевым лежал большой, богатый, малоизучен-

ный край с интересной природой и разнообразным населением. Он полюбил этот край, полюбил его неповторимую природу и отдал его изучению тридцать лет своей жизни. Он исходил Уссурийский край вдоль и поперёк, много раз переваливал через горный хребет Сихотэ-Алинь, плавал на лодках по горным, порожистым речкам, с котомкой за плечами ходил по вековой уссурийской тайге.

Путешествия Арсеньева были полны опасностей: не раз самодельные лодки путешественников опрокидывались, и среди порогов шло ко дну всё имущество экспедиции; часто опасность голодной смерти грозила смелым скитальцам по тайге. Тигры, медведи и кабаны чувствовали себя хозяевами тайги.

Для читателя приключения — одно удовольствие, но для самих путешественников — это опасность, это угроза для жизни. В тайге не надо искать приключений — надо уметь их избежать. Начальник экспедиции отвечает не только за себя, но и за жизнь товарищей.

Арсеньев прошёл суровую школу путешественника.

В юности Арсеньев не получил систематического образования. Что могло дать юноше юнкерское училище! А потом этот юноша стал крупным учёным. Как он достиг этого? Арсеньев учился всю жизнь. Он учился у простых русских людей, знатоков края, — у старожилов и зверопромышленников. Он учился у нанайцев и удэгейцев — исконных обитателей тайги, замечательных охотников и следопытов.

Это были первобытные охотники и рыболовы, которым все силы природы казались живыми, одушевлёнными. Их охотничьи суеверия передавались из рода в род. Но эти суеверия не помешали Арсеньеву разглядеть смелых, добрых и честных людей.

Жажда знаний, любознательность, интерес к жизни никогда не покидали Арсеньева. Он соединял книжные знания с тем, что видел в жизни, с опытом других людей, и это помогло ему стать знатоком края, неутомимым его исследователем, открывателем его сокровенных богатств.

Открытие края — результат работы многих поколений, итог усилий многих людей. До Арсеньева Уссурийский край исследовали моряки, топографы, зоологи. Знаменитый путешественник Пржевальский был там за тридцать лет до Арсеньева и оставил нам замечательное «Путешествие в Уссурийском крае». У Арсеньева были предшественники, но и сам он прокладывал пути для других. По его следам по-

шли советские геологи и открыли ценнейшие ископаемые богатства в недрах горного хребта Сихотэ-Алинь.

В советское время Арсеньев расширил свои исследования. Он совершил в 1927 году большую экспедицию от Советской Гавани до Хабаровска и описал её в книге «Сквозь тайгу». Он был на острове Ионы в Охотском море. Арсеньев побывал на Камчатке и одним из первых спустился в кратер Авачинского вулкана. Он прошёл зимой по безлюдной тундре и потом рассказал об удивительном умении своих спутников — эвенков — находить дорогу среди снежных пустынь.

Желание узнать свою страну, помочь перестроить её — вот что заставляло беспокойного путешественника пересекать моря, снежные пустыни и безлюдные леса.

Арсеньев по своей специальности был топографом. Он заносил на карту течения малоизвестных извилистых рек, очертания морских берегов, направления горных хребтов, определял высоты горных перевалов. Он не разлучался с планшетом и тогда, когда шёл летний дождь или бушевала зимняя метель. Где бы, казалось, любоваться природой, когда надо в любую погоду заносить на планшет направление пути и рельеф местности! Но Арсеньев был поэтом. Постоянная кропотливая работа не мешала ему видеть красоту местности, наблюдать повадки зверей. С одинаковым интересом он описывает мелкий осенний дождик и грозный смерч на море; его интересуют не только тигры и пантеры, но и война муравьев с пчёлами. Он всегда внимательный наблюдатель, всегда неустанный исследователь тайн природы.

Книга Арсеньева «В делях Уссурийского края» завоевала широкую известность. Герой этой книги — Дерсу Узала, проводник Арсеньева, старый охотник и следопыт. Вышедшую на Дальнем Востоке книгу Арсеньева одним из первых заметил Алексей Максимович Горький, живший тогда в Италии, в Сорренто.

«...Какое прекрасное чтение для молодёжи, которая должна знать свою страну», — писал он об этой книге.

Арсеньев для очень многих читателей заново открыл наш Дальний Восток. Его интересовало всё: природа, люди, звери, птицы. Он дал нам незабываемое описание края, рассказал обо всём, что увидел своими глазами. И мы, читая его книги, вместе с ним путешествуем по уссурийской тайге, встречаемся с лесными охотниками, слушаем их рассказы.

Прошло много лет после путешествий Арсеньева. Там, где были еле заметные лесные тропы, проложены шоссе.

В глухой тайге выросли заводы, города. Орочи и удэгейцы перестали быть вечными скитальцами.

Книги Арсеньева, в которых он с большой любовью изобразил народы Дальнего Востока и дал замечательные описания природы, широко известны в нашей стране.

Я лично знал В. К. Арсеньева. В беседах и письмах он не раз говорил о своём желании сделать книгу для детей. Исполняя это желание замечательного путешественника, я выбрал отрывки из разных его произведений и воспоминаний и обработал как рассказы для детей.

И. Халтурин

СТРАШНЫЙ ЗВЕРЬ

юных лет я интересовался Уссурийским краем, много читал об этой стране. Когда мечта моя сбылась и я выехал на Дальний Восток, сердце моё от радости замирало в груди.

Среди моих попутчиков оказались люди, уже бывавшие на берегах Великого океана. Я расспрашивал их о тайге и о её четвероногих обитателях. Больше всего меня интересовал тигр. Он казался мне каким-то особенным существом.

Во Владивостоке я познакомился со всеми известными охотниками и жадно слушал их рассказы про полосатого зверя.

Помню, как в первый раз вступил я в тайгу и радостно думал о том, что наконец-то нахожусь в настоящих джунглях, где на свободе разгуливает тигр — может быть, совсем недалеко от меня. И вдруг притаившаяся в зарослях белка с фырканьем бросилась на дерево. Я так перепугался, что чуть было не выстрелил в ту сторону, откуда слышался шум.

Постепенно я стал привыкать к таёжным звукам и разбираться в них. Рёв изюбра, свист пятнистого оленя, крик дикой козули и пронзительное взвизгиванье бурундука — всё это стало мне знакомо. Научился я различать и птичьи голоса.

Но тигр всецело завладел моим воображением. Я даже видел его во сне: убегал от него, влезал на дерево и переживал невероятные

приключения. Охотники говорили, что это зверь особенный: его встречаешь тогда, когда менее всего ждёшь. Я завидовал охотникам, которым случалось видеть тигра в лесу.

Я решил до тех пор скитаться по тайге, пока мечта моя не осуществится. Целыми днями бродил я по лесу, забирался в самые дебри и рассматривал следы на земле. Я представлял себе тигра лежащим в зарослях дикого винограда. Вот он встал, встряхнулся и зевнул, потом подошёл к тополи, поднялся на задние лапы, выгнув спину и потянулся, как кошка, царапая кору дерева. Затем он посмотрел в одну сторону, в другую и пошёл на охоту.

Впоследствии, когда мне приходилось нередко видеть тигра на воле, он никогда не производил на меня такого впечатления, как в тот первый раз, о котором я хочу рассказать.

Однажды — это было в 1900 году — я бродил в тайге.

Время было осеннее, и утренние морозы уже раскрасили деревья и травы в тёмно-фиолетовые, пурпурные и золотисто-оранжевые тона. Появились первые признаки листопада — под ногами шуршала опавшая листва, лес начинал сквозить. Ночью был небольшой дождь, и поблёкшая буро-жёлтая трава не успела ещё обсохнуть. Солнечные лучи пробирались в самую чащу леса и играли в каплях воды, превращая их в искрящиеся алмазы.

Постоянным моим спутником в скитаниях по тайге был сибирский стрелок Поликарп Олентьев, прекрасный человек и хороший охотник. Но в этот день он остался на биваке починять обувь, а я с дробовым ружьём один пошёл в тайгу искать рябчиков.

Я шёл по небольшой дорожке и смотрел по сторонам. Мне вспомнились рассказы охотников о том, что тигр любит ходить по тропам.

Я взглянул себе под ноги — и вдруг увидел на тропе свежий след огромной кошачьей лапы. Страшный хищник шёл впереди меня! Читатель может себе представить, что со мной сделалось! Чувства мои смешались: я попеременно испытывал то страх перед опасностью, то охотничью страсть и любопытство... Я вспомнил, что в руках у меня дробовое ружьё и в сумке один только патрон с пулей. Но возвращаться назад было далеко и поздно. Я постоял, подумал, перезарядил ружьё и отправился вперёд. Тропа привела меня к горной речке. Как только я вышел на отмель, я опять увидел следы больших кошачьих лап. Они ещё не успели обсохнуть и были совсем влажными.

Я не шёл, а крался, останавливаясь, прислушиваясь, озираясь по сторонам. За рекой опять начиналась тайга, а за ней — старая гарь.

Не успел я дойти до опушки леса, как увидел того, кого искал и боялся найти. Огромный тигр лежал на брюхе, поджав под себя задние лапы. Голова его покоилась на передних лапах, вытянутых

вперёд. Он чуть шевельнул хвостом и как будто немного приподнял голову и посмотрел в мою сторону. Я спрятался за большой кедр.

Что делать? Стрелять? Но такого зверя одним выстрелом не убьёшь, а раненный он ещё опаснее. Стрелять в воздух? Но этим только привлечёшь к себе его внимание. Тихонько уйти назад? Но как это сделать?.. Сердце моё готово было выскочить из груди, на лбу выступили крупные капли пота, ноги онемели, руки дрожали.

Выглянув из-за дерева, я увидел тигра на том же месте. Длинное жёлтое тело его было испещрено поперечными чёрными полосами. В это мгновение под ногой у меня хрустнула веточка — страшный зверь вновь взглянул в мою сторону. Сердце во мне захолонуло. Я считал себя погибшим безвозвратно...

Вдруг я увидел человека, идущего через поляну. Как предупредить его об опасности: стрелять, кричать, бежать навстречу? Я не знал, что делать, растерялся и в то же время почувствовал, что этот человек с ружьём в руках — мой спаситель. Он шёл, ничего не замечая, а тигр по-прежнему лежал на брюхе. «Какой, однако, дерзкий зверь!» — подумал я.

В это время человек поравнялся с тигром, перешагнул через него и пошёл дальше.

Ещё не понимая, что случилось, я невольно ступил вперёд и вышел из своей засады. И тут всё стало мне ясно.

Вместо тигра на поляне лежала большая колодина тёмного цвета. На ней не было даже никаких выступов, которые можно было принять за хвост или голову. Мало того, из самой середины спины воображаемого зверя торчал большой узловатый сук.

Человек, увидев меня, проворно снял с плеча винтовку.

Я окликнул его и в знак мирных намерений приставил своё ружьё к дереву.

Моим спасителем оказался крестьянин Пырков. Я чистосердечно рассказал ему о том, как меня напугала колодина.

— Которая? — спросил он.

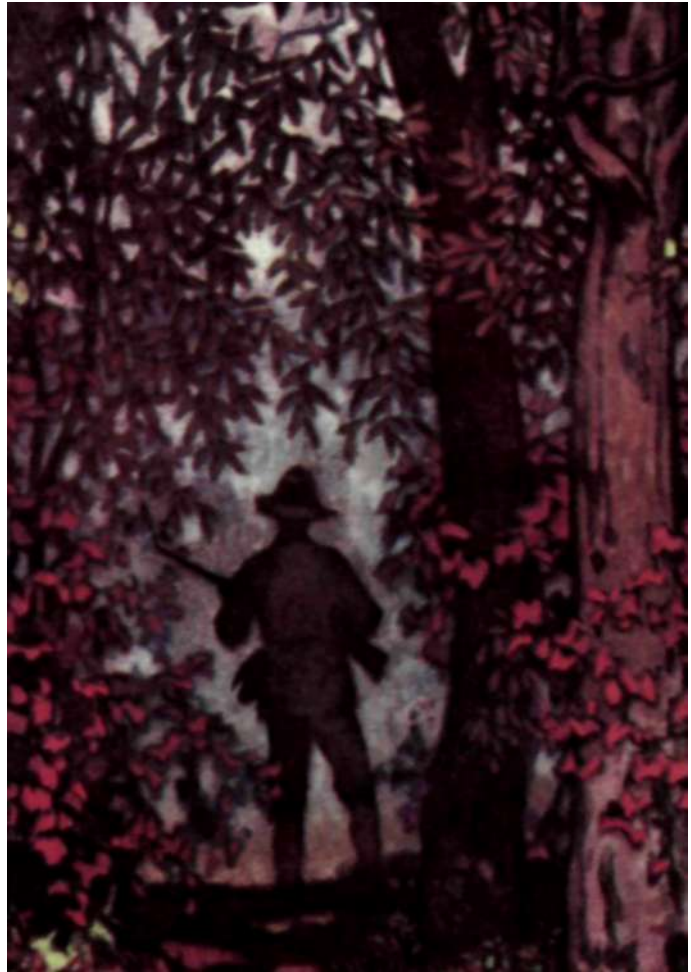
— Вон та, — ответил я и указал на полянку.

— Да она и не похожа вовсе ни на какого зверя, — сказал Пырков и искоса посмотрел на меня: в своём ли я уме? — Впрочем, бывают такие случаи, — продолжал он. — Я сам однажды стрелял в пень — за медведя принял... Пойдемте-ка в деревню, там заночуем. Пожалуй, ночью дождь будет.

Мы пошли по тропе, и, когда стали переходить речку, я указал на следы тигра.

— Так вы приняли колодину за тигра и испугались?... — начал опять Пырков. — Хорошо, что не наоборот.

— Как это — наоборот? — не понял я.

— А вот если бы вы тигра приняли за колодину и без опаски подошли к нему вплотную, так мы не шли бы с вами сейчас рядом. Такие случаи тоже бывают. Этот зверь хитрый. Тигр заметит, что за ним следят, сначала уйдёт, а потом опишет петлю и заляжет около своего следа, чтобы напасть на охотника сбоку или сзади. Одному по тигровому следу ходить не советую.

Скоро мы дошли до бивака, где Олентьев уже согрел чай и ждал моего возвращения. Мы немного отдохнули, покурили у огонька и втроём отправились дальше.

Когда мы подходили к деревне, солнце только что скрылось за горизонтом. Вершины далёких гор порозовели в его закатных лучах. Запах сырости в лесу стал острее. Кое-где над домами появились тонкие струйки белесоватого дыма. С востока надвигалась тихая осенняя ночь.

НОЧЬ В ТАЙГЕ

было четыре часа, но небо было облачно и на землю как будто спустились сумерки. Можно уже собираться на охоту.

Летом охота на зверя возможна только утром, на рассвете, и в сумерки — до темноты. Днём зверь лежит где-нибудь в чаще, и найти его трудно.

Мы с казаком Мурзиным взяли ружья и разошлись в разные стороны. На всякий случай я захватил с собой на поводок Лешего.

Вскоре я набрёл на след кабанов. Они шли, не останавливаясь, и на ходу рыли землю. Судя по числу следов, зверей было, вероятно, больше двадцати. Видно было, что в одном месте кабаны перестали копать в земле и бросились врассыпную. Потом они опять сошлись. Я хотел было прибавить шагу, как вдруг увидел около лужи на грязи свежий отпечаток тигровой лапы. Я ясно представил себе, как шли кабаны и как следом за ними крался тигр.

«Не вернуться ли назад?» — подумал я, но тотчас же взял себя в руки и осторожно двинулся вперёд.

Дикие свиньи поднялись на гору, потом спустились в долину.

Я увлёкся преследованием и совсем забыл, что надо запоминать местность.

Несколько мелких капель, упавших сверху, заставили меня остановиться. Начал накрапывать дождь.

«Пора возвращаться на бивак»,— подумал я и стал осматриваться, но за лесом ничего не было видно. Тогда я поднялся на одну из ближайших сопок, чтобы ориентироваться.

Кругом, насколько хватало глаз, всё небо было покрыто тучами; только на западе виднелась узенькая полоска вечерней зари. Облака двигались с моря. Значит, рассчитывать на то, что погода разгуляется, не приходилось. Горы, которые я теперь увидел, показались мне незнакомыми.

Назад по следам идти было невыносимо. Ночь застигнет меня раньше, чем я успею пройти и половину дороги. Тут я вспомнил, что у меня нет спичек. Рассчитывая с сумерками вернуться на бивак, я не захватил их с собою. Я два раза выстрелил в воздух, но не получил ответных сигналов. Тогда я решил спуститься в долину и, пока возможно, идти по течению реки. Была маленькая надежда, что до темноты я успею выбраться на тропу. Не теряя времени, я стал спускаться вниз. Собака покорно поплелась сзади.

Как бы ни был мал дождь в лесу, он всегда вымочит до последней нитки. Каждый куст и каждое дерево собирает дождевую влагу на листьях и крупными каплями осыпает путника с головы до ног. Скоро я почувствовал, что одежда моя намочена.

В лесу уже нельзя было отличить ямы от камня. Я стал спотыкаться. Дождь усилился и пошёл ровный и частый. Когда я остановился, чтобы перевести дух, Леший стал тихонько визжать. Я снял с него поводок. Собака только этого и ждала. Она побежала вперёд и тотчас скрылась во тьме. Чувство полного одиночества охватило меня. Я стал окликать Лешего, но напрасно. Простояв немного, я пошёл в ту сторону, куда побежала собака.

Когда идёшь по тайге днём, то обходишь колодник, кусты и заросли. В темноте же всегда, как нарочно, залезешь в самую чашу. Откуда-то берутся сучья и цепляются за одежду, ползучие растения срывают фуражку с головы, тянутся к лицу, опутывают ноги.

Быть в лесу, наполненном дикими зверями, без огня, во время ненастья — жутко. Я шёл осторожно и прислушивался к каждому звуку. Шелест листьев, хруст упавшей ветки, шорох пробегающей мыши заставляли меня круто поворачиваться в сторону шума, и я еле удерживался, чтобы не выстрелить.

Пробираясь ощупью в темноте, я залез в такой бурелом, из которого и днём-то не скоро выберешься. И всё же, нащупывая руками опрокинутые деревья, вывороченные пни, камни и сучья, я ухитрился

как-то выйти из этого лабиринта. Я устал и сел отдохнуть, но тотчас почувствовал, что начинаю зябнуть. Зубы выстукивали дробь. Усталые ноги требовали отдыха, а холод заставлял двигаться. Залезть на дерево? Эта мысль всегда первой приходит в голову заблудившемуся в лесу путнику. Я сейчас же отогнал её прочь. На дереве было бы ещё холоднее, и от неудобного положения стали бы затекать ноги. Зарыться в листья? Это не спасло бы меня от дождя, и на мокрой земле легче простудиться. Как я ругал себя за то, что не взял с собой спичек!

Я стал карабкаться через бурелом и пошёл куда-то под откос. Вдруг с правой стороны послышался треск ломаемых сучьев и чьё-то отрывистое дыхание. Какой-то зверь бежал прямо мне навстречу. Сердце моё упало. Я хотел стрелять, но винтовка, как на грех, зацепилась дулом за лианы. Я вскрикнул не своим голосом и в этот момент почувствовал, что животное лизнуло меня в лицо... Это был Леший.

Собака с минуту повертелась около меня, тихонько повизжала и снова скрылась в темноте.

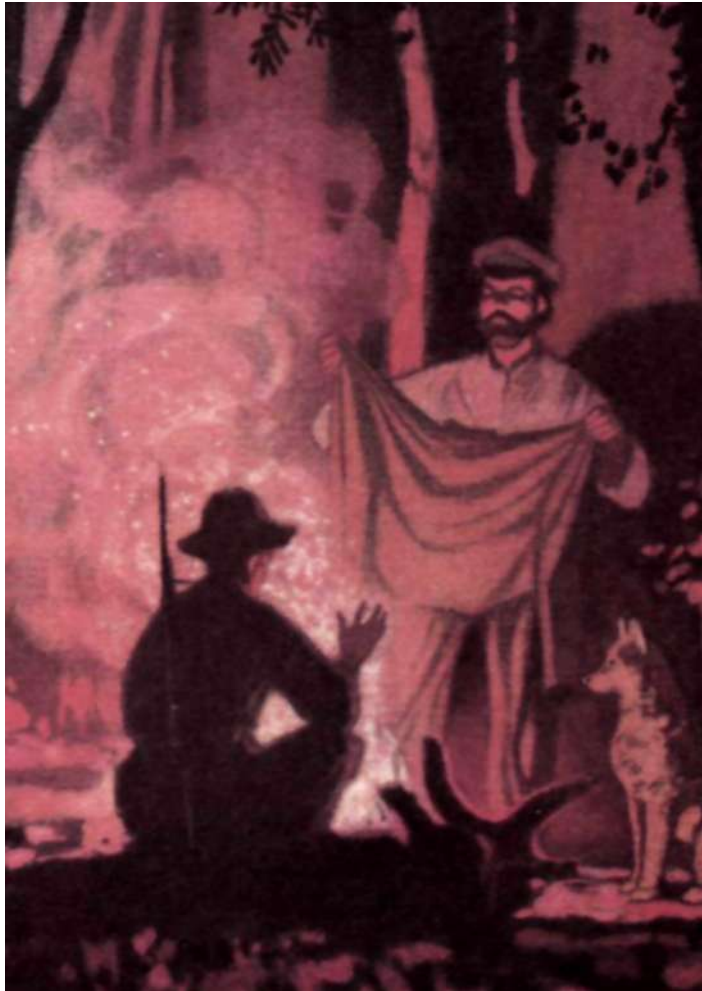
С невероятным трудом я продвигался вперёд. Каждый шаг стоил мне больших усилий. Вдруг я услышал, что где-то, глубоко внизу, шумит река. Разыскав ошупью большой камень, я столкнул его под кручу. Камень не покатился по обрыву, а полетел по воздуху; я услышал, как глубоко внизу он упал в воду. Тогда я круто свернул в сторону и пошёл в обход опасного места.

В это время ко мне опять прибежал Леший. На этот раз я уже не испугался его и поймал за хвост. Он осторожно взял зубами мою руку и стал тихонько визжать, как бы прося не задерживать его. Я отпустил его. Отбежав немного, он тотчас вернулся и только тогда снова побежал вперёд, когда убедился, что я иду за ним следом.

Вдруг в одном месте я поскользнулся и больно ушиб колено о камень. Со стоном стал я потирать больную ногу. Собака прибежала и села рядом со мною. В темноте я её не видел, а только ощущал её тёплое дыхание. Когда боль в ноге утихла, я поднялся и пошёл. Но не успел я сделать и десяти шагов, как опять поскользнулся. Тогда я стал ошупывать землю руками. Меня охватила радость: это была тропа.

«Теперь не пропаду,—думал я,—тропинка куда-нибудь да приведёт».

Но и по тропе я передвигался до крайности медленно. Я не видел дороги и ошупывал её ногою. Там, где тропа терялась, я садился на землю и шарил руками. Особенно трудно было разыскивать тропу на поворотах. Иногда я останавливался и ждал возвращения Леше-

го, и собака вновь указывала мне потерянное направление. Часа через полтора я дошёл до какой-то речки. Вода с шумом катилась по камням. Я опустил в неё руку чтобы узнать направление.

Перейдя вброд горный поток, я ни за что не нашёл бы тропу, если бы не Леший. Собака сидела на самой дороге и ждала меня. Заметив, что я подхожу к ней, она повертелась немного на месте и снова побежала вперёд. Ничего не было видно; слышно было, как шумела вода в реке, шумел дождь и шумел ветер в лесу.

Наконец тропа вывела меня на дорогу. Теперь надо было решить, куда идти — вправо или влево. Я стал ждать собаку, но она долго не возвращалась. Тогда я пошёл вправо. Минут через пять появился Леший. Собака бежала мне навстречу. Я нагнулся к ней. В это время она встряхнулась и всего меня обдала водою. Но я не рассердился, погладил её и пошел следом.

Идти стало немного легче: тропа меньше кружила и не так была завалена буреломом. В одном месте пришлось ещё раз переходить вброд речку. Перебираясь через неё, я поскользнулся и упал в воду, но одежда моя не стала мокрее.

Наконец я совершенно выбился из сил и сел на пенёк. Руки и ноги болели от заноз и ушибов, голова отяжелела, веки закрывались сами собой. Я стал дремать. Мне грезилось, что где-то далеко между деревьями мелькает огонь. Я сделал над собой усилие и открыл глаза. Было темно; холод и сырость пронизывали до костей. Чтобы не простудиться, я вскочил и начал топтаться на месте, но в это время увидел свет между деревьями. Я решил, что это мне показалось. Но нет, огонь появился снова.

Сонливость моя разом пропала. Я бросил тропу и пошёл прямо к огню. Когда ночью видишь огонь, трудно определить, близко он или далеко, низко или высоко над землёй.

Вскоре я подошёл настолько близко к огню, что мог рассмотреть всё около него. Прежде всего я увидел, что это не наш бивак. Меня поразило, что около костра не было людей. Уйти с бивака ночью во время дождя они не могли. Очевидно, они спрятались за деревьями. Мне стало страшно. Идти к огню или нет?.. Хорошо, если это охотники, а если я наткнулся на лихих людей?

Вдруг из чащи сзади меня выскочил Леший. Он смело подбежал к огню и остановился, озираясь по сторонам. Казалось, собака тоже была удивлена отсутствием людей. Она обошла вокруг костра, обнюхивая землю, направилась к ближайшему дереву, остановилась около него и завиляла хвостом. Значит, там был кто-то из своих, иначе собака подняла бы лай. Тогда я решил подойти к огню, но спрятавшийся опередил меня. Это оказался Мурзин. Он тоже заблудился и, разведя костёр, решил ждать утра. Услышав, что по тайге идёт кто-то,

он спрятался за дерево. Его больше всего смутило, что я не пошёл прямо к огню, а остановился в отдалении.

Тотчас же мы стали греться. От намокшей одежды клубами повалил пар. Дым костра относил то в одну сторону, то в другую. Это был верный признак, что дождь скоро перестанет. Действительно, через полчаса он превратился в изморось, но с деревьев ещё продолжали падать крупные капли.

ПЧЕЛЫ И МУРАВЬИ

ы пили чай, и кто-то из казаков принёс чашку, в которой были остатки мёда.

Немедленно на биваке появились пчёлы — одна, другая, третья... Одни прилетали, а другие, набрав меду, торопились с ношей вернуться в улей. Казак Мурзин взялся разыскать улей. Держа в руках чашку с мёдом, он пошёл в ту сторону, куда улетали пчёлы. Через минуту на край чашки опустилась пчела. Когда она полетела назад, Мурзин следил за ней до тех пор, пока не потерял её из виду.

Тогда он перешёл на новое место, дождался второй пчелы и пошёл за ней. Потом выследил третью. Таким образом он медленно, но верно подбирался к улью. Пчёлы сами указывали ему дорогу.

Вскоре Мурзин возвратился назад и доложил, что нашёл пчёл и около их улья увидел такую картину, что поспешил вернуться и позвать с собой товарищей.

Через несколько минут мы отправились в путь, захватив с собой пилу, топор, котелки и спички. Мурзин шёл впереди и указывал дорогу.

Скоро мы увидели большую липу. Вокруг неё вились пчёлы. Почти весь рой находился снаружи. Вход в улей (леток) был внизу, около корней. С солнечной стороны корни переплелись между собой и образовали пологий скат. Около входного отверстия в улей густо

столпились пчёлы. Как раз против них, тоже густой массой, стояло полчище чёрных муравьев. Два враждебных отряда стояли друг против друга, ещё не решаясь совершить нападение. Разведчики-муравьи бегали по сторонам. Пчёлы нападали на них сверху. А муравьи, широко раскрыв челюсти, яростно оборонялись. Иногда они предпринимали обходное движение и старались напасть на пчёл сзади, но воздушные разведчики открывали их, часть пчёл перелетала туда и вновь преграждала муравьям дорогу.

Мы с интересом наблюдали эту борьбу. Кто кого одолеет? Удастся ли муравьям проникнуть в улей? Кто первый уступит? Быть может, с заходом солнца враги разойдутся по своим местам, для того чтобы утром начать борьбу снова; быть может, эта осада пчелиного улья длится уже не первый день...

Неизвестно, чем кончилась бы эта борьба, если бы на помощь пчёлам не пришли казаки. Они согрели воду и стали кипятком обливать муравьев. Муравьи корчились и гибли на месте тысячами. Пчёлы были возбуждены до крайности. Но нечаянно кто-то плеснул кипятком и на пчёл. Мигом весь рой поднялся на воздух.

Надо было видеть, как бросились бежать перепуганные казаки. Пчёлы догоняли их и жалили в затылок и в шею. Через минуту около дерева уже никого не было. Те, кому удалось спастись от ярости разгневанных пчёл, остановились в отдалении и принялись посмеиваться над пострадавшими товарищами. Но ещё мгновение — и шутникам стало не до смеха. С грозным гуденьем рой пчёл налетел и на них. Казаки принялись отмахиваться ветками, фуражками, чем попало, но в конце концов обратились в бегство.

Мы решили дать пчёлам успокоиться и ушли к себе в лагерь.

Перед вечером два казака вновь отправились к улью, но там уже не было ни мёда, ни пчёл. Улей был разграблен медведями. Так неудачно кончился наш поход за диким мёдом.

БОИ ОРЛАНОВ В ВОЗДУХЕ

осле завтрака я взял ружьё и пошёл осматривать долину, в которой мы стали биваком. Обойдя небольшое болотце, я нашёл зверовую тропу, протоптанную, должно быть, медведями. Тропа привела меня на старую гарь, заваленную колодником.

С утра я неладно обулся — что-то жёсткое попало мне в сапог и мешало ступать. Я сел на первую попавшуюся колодину и начал переобуваться. Только я хотел было встать, как вдруг увидел белохвостого орлана.

Распластав свои сильные крылья, он летел мне навстречу, прямо к лиственнице, растущей посреди небольшой полянки. Описав большой круг, он ловко, с наскока, уселся на одну из верхних ветвей и сложил крылья, но тотчас приподнял их, расправил и сложил снова. Потом орлан оглянулся по сторонам и нагнул голову.

Я заметил, что в лапах он что-то держит.

Вдруг сзади меня послышался резкий крик. Орлан насторожился. Он нагнул голову и раскрыл свой могучий жёлтый клюв. Перья на шее у него поднялись. Вид у него был грозный, и сейчас он оправдывал название царя птиц.

В это мгновение я увидел другого орлана, летевшего к той же

лиственнице. Хищник, сидевший на дереве, разжал лапы и выпустил свою жертву. Небольшое животное, величиною с мышку, полетело вниз и ударилось о землю с таким шумом, с каким падают только мёртвые тела.

Орлан сорвался с ветки и полетел вверх, стараясь как можно скорее поравняться с противником.

Другая птица стремительно кинулась на врага, промахнулась и снизилась так сильно, что едва не задела меня крылом.

Вскоре оба орлана были уже на одном уровне. Они описывали спиральные круги, быстро сближаясь, и вдруг бросились друг другу навстречу. Птицы неистово хлопали крыльями и издавали пронзительные крики.

Сцепившись, орланы рвали друг друга когтями, разбрасывая перья по сторонам. Во время боя оба орлана стали падать, и когда крылья их коснулись травы, они вновь поднялись на воздух, описав небольшие круги, и вторично сцепились в смертельной схватке.

Я заметил, что на этот раз они работали не только лапами, но и клювами. Опять посыпались перья. Теперь я уже не знал, который из орланов сидел на дереве и который прилетел отнимать добычу.

При третьей схватке у одной из птиц показалась на шее кровь, у другой было оголено и расцарапано брюхо.

Орланы стали кружиться, и тот, которому удавалось подняться выше, старался нанести удар своему противнику сверху. Нижний орлан ловким движением крыла уклонялся от нападения врага и сам переходил в наступление, но потом тоже падал книзу. Так, меняясь местами, они спускались всё ниже и ниже, пока не коснулись земли. Тогда они разлетелись в стороны и начали парить, стараясь занять по отношению друг к другу господствующее положение. Постепенно они удалялись от места поединка. Раза два они ещё показались за деревьями и наконец скрылись совсем.

Я решил посмотреть, что было в лапах у первого орлана. Когда я подходил к лиственнице, мне показалось, что кто-то бросился в заросли, но я не успел разглядеть, кто это был. Тщетно я искал оброненную орланом добычу — она исчезла. Какой-то другой хищник, на этот раз четвероногий, быть может соболь, воспользовался суматохой и подобрал лакомый кусок.

Тут я опять услышал шум и увидел одного из только что дравшихся орланов. Он сел на коряжину недалеко от меня, и я хорошо мог его рассмотреть. В том, что это был именно один из забияк, я не сомневался.

Сильно уставший, победитель или побеждённый, он сидел теперь с опущенными крыльями, широко раскрытым клювом и тяжело дышал.

С четверть часа, если не больше, отдыхал орлан. Потом он стал клювом усердно оправлять перья в крыльях, выбрасывая испорченные, и приводить в порядок свой наряд на груди. Он занимался этим довольно долго.

Наконец орлан снялся и полетел на место боя. Он сел на ту же лиственницу, на то же место и стал смотреть вниз. Затем он опустился на землю и, не найдя там ничего, снова поднялся в воздух и полетел за новой добычей.

ЛЕСНОЙ ЛАКОМКА

днажды мы шли по тропинке сквозь тайгу. Вдруг до нас донеслись какие-то странные звуки — не то вой, не то визг, не то ворчанье. Мой проводник придержал меня за рукав, прислушался и сказал:

— Медведь!

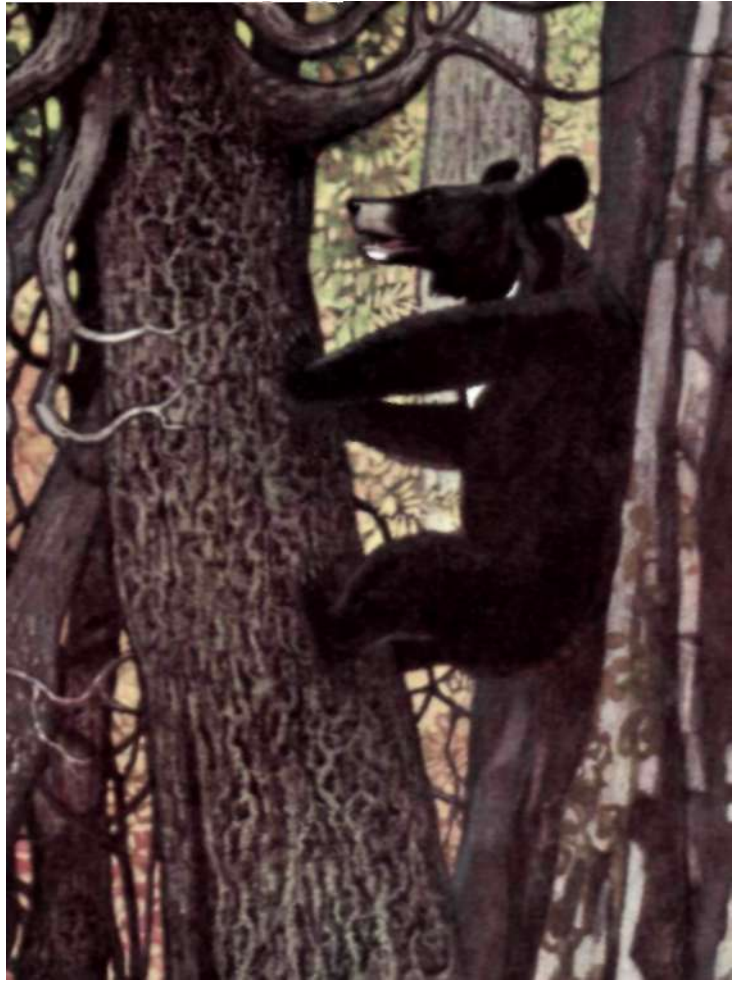
Мы тихонько пошли вперёд и скоро увидели виновника шума.

Молодой медведь возился у большой липы. Она росла вплотную около скалы.

С первого взгляда я понял, в чём дело: медведь добывал из дупла мёд. Он стоял на задних ногах и тянулся к улью. Протиснуть лапу в дупло ему мешали камни. Медведь ворчал и тряс дерево изо всей силы. Вокруг улья вились пчёлы и жалили медведя в голову. Он тёр морду лапами, кричал тоненьким голосом, валялся по земле, но затем вновь принимался за ту же работу. Смотреть на его уловки было очень смешно.

Наконец он утомился, сел на землю и, раскрыв рот, уставился на дерево, видимо что-то соображая. Затем вдруг поднялся, быстро подбежал к липе и полез на её вершину.

Взобравшись наверх, медведь протиснулся между скалой и деревом и, упёршись лапами в камни, начал сильно давить на дерево спиной.

Дерево немного подалось. Но, видимо, спине было больно. Тогда медведь переменил положение и, упёршись спиной в скалу, стал давить на дерево лапами. Липа затрещала и рухнула на землю. Этого только и надо было медведю.

Теперь оставалось разломать дупло и добыть соты.

— Его шибко хитрый,— сказал мой проводник.— Надо его гоняй, а то скоро весь мёд кушай.— И он крикнул медведю:— Тебе как можно чужой мёд воровать!..

Медведь, увидев нас, побежал и быстро исчез за скалою.

— Надо его пугай,— сказал охотник и выстрелил в воздух.

Услышав выстрел, мои товарищи пришли узнать, в чём дело.

Для добычи мёда мы оставили двух стрелков, а сами пошли дальше. Надо было сперва дать пчёлам успокоиться, а затем уморить их дымом и собрать мёд. Если бы этого не сделали мы, то всё равно весь мёд съел бы медведь.

Через час охотники за пчёлами догнали нас и принесли с собой целое ведро хорошего мёду.

ЛЕСНОЕ ПРЕДАНИЕ

было ещё темно, когда удэхеец разбудил меня. В очаге ярко горел огонь. Женщина варила утренний завтрак. С той стороны, где спали стрелки и казаки, неся дружный храп. Я не стал их будить и начал осторожно одеваться. Когда мы с удэхейцами вышли из юрты, было уже совсем светло. В природе царил полное спокойствие. Воздух был чист и прозрачен. Снежные вершины высоких гор уже озарились золотисто-розовыми лучами восходящего солнца, а подножия их ещё утопали в фиолетовых и синих тенях. Мир просыпался.

На свежавыпавшем снегу было много новых следов. Среди них я узнал лисий — он тянулся цепочкой; затем — след кабарги, оставленный её маленькими, острыми копытцами; а рядом — другой, похожий на медвежий, но значительно меньший размерами; это шла россомаха. Старик удэхеец не обращал внимания на них и шёл всё дальше, до тех пор, пока не нашёл то, что искал.

— Дорога сохатого, — сказал он, указывая на широко расставленные большие следы.

В это время вырвавшиеся из-за гор солнечные лучи сразу озарили всю долину, проникая в самую середину леса и мгновенно превращая в алмазы иней на обледеневших ветвях деревьев. По следам было видно, что лось шёл лениво, часто останавливался и, по-видимому,

дремал. Один раз он даже пробовал лечь, но что-то принудило его подняться и идти дальше.

Мы умили шаг и удвоили осторожность. Минут через двадцать следы вывели нас на прогалину, поросшую редкой лиственницей. Вдруг мой спутник остановился и подал мне знак, чтобы я не шевелился.

Я взглянул вперёд и увидел лося. Он лежал на снегу, подогнув под себя ноги. Я осторожно поднял ружьё и стал целиться, но в это время удэхеец громко крикнул. Испуганный лось вскочил на ноги и бросился бежать. Я выстрелил и промахнулся, потом стрелял второй раз — и опять неудачно.

Я рассердился на старика, думая, что он подшутил надо мной. Но удэхеец тоже был недоволен мною и сердито ворчал. Он говорил, что если бы знал, что я промахнусь, то сам стрелял бы в зверя и наверное убил бы его на бегу. Я ничего не понимал: сам он крикнул, сам спугнул животное с лёжки, сам же мне помешал и теперь ещё ворчит.

Но старик сказал мне, что стрелять в спящего зверя нельзя. Его надо сперва разбудить криком — и только тогда можно пускать в дело оружие. Такой закон людям дал тигр, который всегда, перед тем как напасть, издаёт оглушительный рёв. Человек, нарушивший этот обычай, навсегда лишается успеха в охоте.

Преследовать лося теперь было бесполезно. Поэтому мы решили вернуться назад, но только по другой стороне реки, где было чище и меньше зарослей. Там мы увидели свежие следы волка, по-видимому испуганного выстрелами; потом нашли следы двух колонков. Они подрались; один из них полез на дерево, а другой побежал в сторону. Теперь мы шли без опаски, свободно разговаривая вслух.

Удэхеец рассказал, что раньше, когда у них были фитильные ружья, приходилось особенно осторожно подкрадываться к зверю. Он помнил рассказы стариков о том, как один охотник подкрался к спящему лосю и положил ему на спину тоненькую тальниковую стружку. Возвратившись домой, охотник сказал об этом своим товарищам. Тогда другой охотник надел лыжи и пошёл по его следу. Он скоро нашёл лося, подкрался к нему, снял стружку и принёс в табор.

В этом рассказе много невероятного, но он — отголосок тех времён, когда охотники умели лучше выслеживать и скрадывать зверя, чем теперь.

Около полудня мы возвратились на бивак.

Вечером после ужина я пошёл в юрту к удэхейцу и стал расспрашивать его о том, как было раньше. Сначала разговор наш не клеился, но потом старик оживился и стал рассказывать с увлече-

нием. Он говорил о невозвратном прошлом, когда зверя в тайге было гораздо больше. Тогда люди понимали зверей, а потом все животные стали пугливыми. В этот вечер он рассказал мне любопытную историю.

Один охотник похвалился перед своими сородичами, что приведёт лося в селение живым, но просил, чтобы они увели подальше собак и не выходили из юрт, пока он сам не позовёт. На другой день, захватив с собой запас юколы и охапку травы, смоченной в растворе соли и высушенной на солнце, он пошёл за зверем. В эту зиму снега лежали глубокие, и загнать сохатого было не особенно трудно. Удэхеец очень скоро нашёл след молодого лося и своим преследованием довёл зверя до того, что он, обессиленный, остановился, ожидая смертельного удара копьём. Но человек не тронул его.

Отдохнув немного, сохатый поднялся и пошёл дальше. Охотник последовал за ним, и когда утомлённый зверь лёг, человек тоже расположился на отдых. Такое совместное хождение по тайге продолжалось несколько суток. С каждым днём человек устраивался на отдых всё ближе и ближе к лосю. В конце концов лось понял, что охотник не хочет причинить ему зло, и стал относиться спокойнее к соседству человека. Тогда удэхеец начал подкармливать лося, время от времени бросая ему пучки солёной травы.

Через несколько дней они уже поменялись ролями: раньше первым вставал лось и за ним шёл человек; теперь первым поднимался человек и за ним следовал сохатый. Так удэхеец привёл его к селению сородичей. Узнав, что на опушке леса появился человек с лосем, они не вытерпели и выбежали к нему навстречу. Лось, увидев толпу, испугался и убежал в лес.

Слушая старика, я невольно вспомнил рассказ о том, как молодой индус Маугли привёл с собой из джунглей двух волков.

РАССКАЗ ЗВЕРОВОЛА

тарый удэхеец Люрл, с реки Кусуна, в 1907 году рассказал мне случай, который произошёл с ним, когда волосы его не были так белы и глаза так плохи, как теперь.

Соболевал он на реке Цзаве, где у него была небольшая зверовая фанзочка, сложенная из накатника и обмазанная глиной. В окно фанзы были вставлены два куска стекла, склеенные полоской бумаги. Окно это находилось почти на уровне земли. Вход прикрывался узкой дощатой дверью с ремёнными петлями, надетыми на деревянные колышки. Никакого другого запора не было.

Как-то раз Люрл не пошёл осматривать соболиные ловушки. С утра погода хмурилась, дул сильный ветер — начиналась пурга. Удэхеец занялся домашней работой. Вдруг в фанзе сразу сделалось темно. Он взглянул на окно и понял, что кто-то заслонил его. Люрл зажёл огонь и поднёс его к стеклу. То, что он увидел, заставило его задрожать от страха. Он быстро погасил огонь, тихонько подошёл к двери и при помощи верёвок запер её как можно крепче.

В окне он увидел полосатый бок тигра. Страшный зверь, видимо,

искал защиты от ветра и привалился к стене фанзы, как раз к тому месту, где было окошко.

Сквозь щели в дверях Люрл видел, как угасал зимний день. Наступила ночь. Он сидел ни жив ни мёртв и боялся пошевелиться. Как на грех, он испортил замок своего ружья и потому оставил его в селении. Первый раз в жизни он оказался в тайге безоружным.

Когда начало светать, тигр встал, встряхнулся и отошёл от окна. Люрл обрадовался, думая, что он ушёл совсем. Переждав немного, охотник подошёл к двери, чтобы снять запоры, и вдруг увидел пёстрое чудовище прямо против себя.

Тигр лежал на брюхе, вытянув передние лапы, и внимательно смотрел на дверь.

Безумный страх овладел звероловом. Он понял, что тигр охотится за ним.

К вечеру пурга кончилась, кругом стало тихо, и всю ночь Люрл ясно слышал, как полосатый хищник ходил вокруг фанзы, и видел его лапы в окне. Один раз тигр даже взобрался на крышу, словно желал проверить, нельзя ли как-нибудь сверху проникнуть внутрь жилища.

Ещё одну ночь Люрл провёл без сна, вздрагивая от каждого шороха и каждую минуту поглядывая на дверь и окно. На третьи сутки тигра больше не было видно, и человек подумал, что зверь наконец ушёл. Люрл хотел было открыть дверь и убежать, но когда он стал возиться около двери, страшный зверь одним прыжком опять очутился перед фанзой.

Люрл совсем потерял голову. Он кинулся обратно в фанзу, захлопнул дверь и в полном отчаянии забился в угол.

Что было ему делать? Он голодал уже вторые сутки, потому что все его запасы хранились снаружи, в особом амбарчике на сваях.

Люрл сам не помнил, сколько времени просидел, он так в холодной, пустой фанзе. И вдруг снаружи ему послышались чьи-то голоса. Не смея поверить своему счастью, Люрл тихонько подошёл к двери и прислушался. Это были охотники из соседней зверовой фанзы.

Тигр тотчас скрылся в зарослях. Люрл вышел из своей темницы и увидел трёх вооружённых удэхейцев с собаками. Услышав о происшедшем, они разложили три костра вокруг фанзы и сделали несколько выстрелов в воздух. Однако тигр оказался не из трусливых и ночью, перед рассветом, опять вышел из зарослей и задавил всех собак.

На другой день охотники, обсудив положение, решили совсем уйти из этого опасного места.

Прошло два месяца. Когда стали таять снега, старик Люрл с одним из своих сородичей отправился осматривать ловушки. Большая

часть их была с добычей — с белками, колонками, рябчиками и сизоворонками; в шести ловушках были соболи.

Долго ждали эти соболи своего хозяина, пока сойки и вороны не растащили их по частям. В ловушках остались только кости да клочки шерсти.

По следам на снегу видно было, что тигр продолжал посещать фанзу, часто ложился перед дверью и взбирался на крышу.

Такая настойчивость зверя напугала старика Люрла. Он бросил это место совсем и перекочевал на другую реку.

ФИЛИН-РЫБОЛОВ

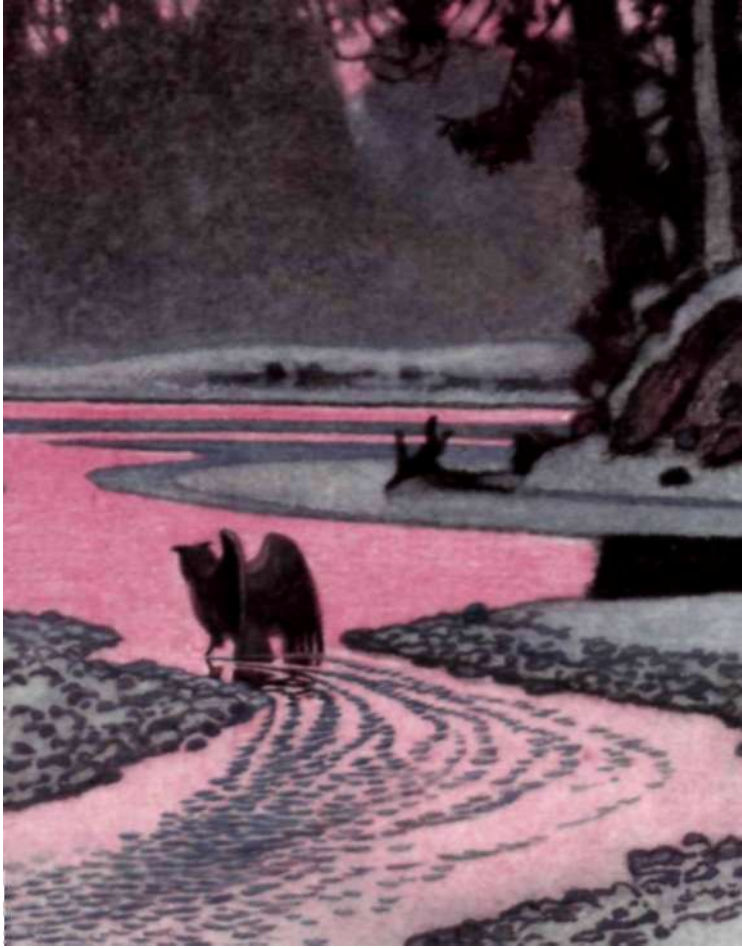

Весь день мы провели в фанзе и с вечера завалились спать. Я проснулся рано. Проворочавшись с боку на бок до самого рассвета, я решил одеться и пойти на разведку в надежде убить пару крохалей и посмотреть, как замерзает река.

Когда я выходил из дому, чуть брезжило. На востоке занималась холодная багровая заря, и неясный свет утра уже растекался по всей земле.

По тропе я дошёл до реки. Протока, сначала широкая, стала быстро суживаться. Две отмели совсем близко подошли друг к другу — только узенькая полоска воды разделяла их. В этом месте виднелся какой-то тёмный предмет. Мне показалось, что он шевельнулся. Я остановился, чтобы лучше его рассмотреть, но в это время тёмный предмет вдруг поднялся на воздух и полетел в лес. Это оказался филин. Я вспомнил, что накануне один стрелок тоже видел филина в воде.

Что он мог тут делать? Я спустился вниз и направился прямо к гальке. Долголетние скитания по тайге приучили меня разбираться в следах. Я стал внимательно смотреть себе под ноги. Вода в протоке была чистой, галька в нескольких местах запачкана отброса-

ми пернатого хищника, а на свежей пороше по льду — десятка два старых и новых следов больших птичьих лап. Значит, филин прилетал сюда часто.

Я решил заняться наблюдением и ещё раз прийти сюда пораньше.

На следующий день я поднялся, когда было ещё совсем темно, оделся и, стараясь не шуметь, вышел из фанзы, тихонько прикрыв за собой дверь. Резкий ветер сначала резал мне лицо, но потом оно обветрилось, неприятное ощущение исчезло.

Я пошёл по старому следу сначала быстрым шагом, а потом всё тише и тише. Мне не хотелось спугнуть филина, но предосторожность моя оказалась излишней.

На протоке никого не было. Тогда я спустился на гальку и спрятался за колодник, нанесённый сюда большой водой.

Потому ли, что я осмотрелся и глаза мои приспособились к темноте, или потому, что действительно начинало светать, я мог разглядеть всё, что делается около воды: ясно различал гальку, следы филина на снегу и даже прутик, вмёрзший в лед, на другой стороне протоки.

Я уже думал, что напрасно пришёл сюда, но вдруг увидел того, ради кого я предпринял эту утреннюю экскурсию.

Большой филин появился неожиданно и совсем не с той стороны, откуда я его ждал. Он спустился на край отмели, осмотрелся, нагнулся вперёд и, расправив каждое крыло по очереди, сложил их. Потом он подпрыгнул, вошёл в протоку и встал против течения. Затем опустил оба крыла в воду и подогнул под себя хвост, образовав таким образом своим телом запруды во всю ширину протоки между двумя отмелями.

Филин стоял неподвижно и внимательно смотрел в воду. Вдруг он быстро клюнул и вытащил небольшую рыбку, проглотил её, потом клюнул второй раз, третий и так далее. Вероятно, он поймал около десятка мелких рыбёшек.

Удовлетворившись добычей, филин вышел из воды и, сильно встряхнувшись, стал клювом перебирать перья в хвосте. Он не замечал меня и вёл себя спокойно.

Отдохнув немного, пернатый хищник уже хотел было снова залезть в воду, но в это время из лесу неожиданно выскочил хорёк. Как сумасшедший, сломя голову он бросился через галечниковую отмель и перепрыгнул через узкую полоску воды. Испуганный филин поднялся в воздух и полетел вдоль протоки. Я видел, как он на лету встряхнул одним, а потом другим крылом и скрылся за поворотом.

Теперь делать у протоки мне было больше нечего, и я пошёл домой. Когда я подходил к фанзе, из лесу вышли два удэхейца. Мы

вместе вошли в дом. Я стал рассказывать своим спутникам о том, как филин ловит рыбу, и думал, что сообщаю им что-то новое, но удэхейцы сказали мне, что филин всегда ловит рыбу таким образом. Иногда он стоит в воде так долго, что его хвост и крылья вмерзают в лед. Тогда филин погибает.

Высмотрев место, куда филин прилетает для рыбной ловли, охотники вмораживают в лёд столбик с перекладиной, на которой укрепляется капкан или просто волосяная петля. Ничего не подозревающий филин, прилетев на место охоты, предпочитает сесть на перекладину, чем на гладкий лёд, и попадает в ловушку.

ЗИМНЯЯ ОХОТА НА КАБАНОВ

сумерки мы подошли к небольшому удэгейскому стойбищу — из трёх юрт. Появление партии неизвестных людей откуда-то «сверху», с гор, сначала напугало удэгейцев, но, узнав, кто мы, они успокоились и приняли нас очень радушно.

Уже две недели, как мы шли по тайге. По тому, как стрелки и казаки стремились к жилым местам, я видел, что они нуждаются в более продолжительном отдыхе, чем обыкновенная ночёвка в лесу. Поэтому и решил сделать здесь днёвку. Узнав об этом, стрелки стали располагаться в юртах. Обычные на биваках работы тут не были нужны: не надо было ставить палатки, рубить хвою, таскать дрова. Казаки разулись и сразу стали варить ужин.

Вечером возвратились с охоты два молодых удэгейца и сообщили, что недалеко от стойбища они нашли следы кабанов и завтра собираются устроить на них облаву. Охота обещала быть интересной, и я решил пойти вместе с ними. Удэгейцы готовились к охоте. Они перетянули ремни у лыж и подточили копыя. Так как выступление было назначено до восхода солнца, то после ужина все легли спать.

Было ещё рано, когда я почувствовал, что меня кто-то трясёт за плечо. Я проснулся. В юрте ярко горел огонь. Охотники уже приготовились; задержка была только за мной. Я быстро оделся, напился чаю и вместе с ними вышел на берег реки.

Удэхейцы шли впереди, а я — следом за ними. Пройдя немного по реке, они свернули в сторону, затем поднялись на небольшой хребет и спустились в соседний распадок. Тут охотники стали совещаться. Потом они пошли уже тихо, без разговоров.

Через полчаса стало совсем светло. В это время мы как раз дошли до того места, где накануне юноши видели следы кабанов. Надо заметить, что летом дикие свиньи отдыхают днём, а кормятся ночью. Зимой — наоборот: днём они бодрствуют, а ночью спят. Значит, вчерашние кабаны не могли уйти далеко.

Началось преследование.

Впервые в жизни я видел, как быстро удэхейцы ходят по лесу на лыжах. Я начал отставать от охотников и вскоре совсем потерял их из виду, но это меня не смущало. Я не торопясь шёл по их лыжне.

Через полчаса я устал и сел отдохнуть. Вдруг позади меня раздался какой-то шум. Я обернулся и увидел двух кабанов, мелкой рысцей пересекающих лыжный след. Я быстро поднял ружьё и выстрелил, но промахнулся. Испуганные кабаны бросились в сторону. Не найдя крови на следах, я решил их преследовать.

Минут через двадцать я догнал кабанов. Они, видимо, устали и с трудом шли по глубокому снегу. Вдруг животные почуяли опасность и оба разом, словно по команде, быстро повернулись ко мне головами. По тому, как двигали они челюстями, и по тому звуку, который долетал до меня, я понял, что они подтачивали клыки. Глаза у кабанов горели, ноздри были раздуты, уши насторожены. Будь передо мной один кабан — я, может быть, стрелял бы, но тут было два секача. Несомненно, они бросятся мне навстречу. Я воздержался от выстрела и решил подождать более удобного случая. Кабаны перестали щёлкать клыками; они подняли вверх морды и стали принюхиваться, потом медленно повернулись и пошли.

Тогда я обошёл их следы стороной и снова догнал их. Кабаны остановились опять. Один из них клыками стал рвать кору на валежнике. Вдруг животные насторожились, издали короткий рёв и пошли прокладывать дорогу влево от меня. В это время я увидел четырёх удэхейцев. По их лицам я понял, что они заметили кабанов. Я присоединился к ним.

Кабаны не успели уйти далеко. Они остановились и приготовились к обороне. Охотники обошли их кругом и стали сходить к центру. Это заставило кабанов бросаться то в одну, то в другую сторону. Наконец они не выдержали и бросились на людей, чтобы прорвать осаду.

С удивительной ловкостью удэхейцы ударили их копьями. Одному кабану удар пришёлся прямо под лопатку, а другой был ранен

в шею. Раненый кабан ринулся на охотника. Молодой удэхеец старался сдержать его копьём. Послышался короткий сухой треск — древко копья было перерезано клыками кабана, как тонкая хворостинка. Охотник потерял равновесие и упал лицом вперёд. Кабан метнулся в мою сторону. Я поднял ружьё и выстрелил почти в упор. На счастье, пуля попала прямо в голову зверя.

Тут только я заметил, что удэхеец, у которого кабан сломал копьё, сидел на снегу и зажимал рукой рану на ноге. Из раны обильно текла кровь. Когда кабан успел царапнуть его клыком, не заметил и сам пострадавший. Я сделал ему перевязку, а удэхейцы наскоро устроили бивак и натаскали дров. Один человек остался с раненым, другой отправился за нартами, а остальные — снова на охоту.

Рана, нанесённая охотнику, не вызвала на стойбище тревоги — жена смеялась и подшучивала над мужем. Случаи эти так часты, что на них никто не обращает внимания. На теле каждого мужчины можно найти следы кабаньих клыков и медвежьих когтей.

ОХОТА НА ТИГРА

В этот год на Анюе было много тигров. Они вели себя крайне дерзко и осмеливались приближаться к человеческому жилью. Недели за две до нашего прихода один зверь проявил удивительную назойливость. Он повадился чуть ли не ежедневно навешать удэхейцев, и часто среди белого дня. Удэхейцы сначала с полной серьёзностью убеждали его оставить их в покое, потом стали грозить ему копьями и огнестрельным оружием. Однако и это не помогало.

Тигр ходил по другому берегу реки, ложился на льду против юрты, зевал и пугал людей.

Как-то вечером одна женщина хотела было выйти из юрты за водой. Едва она приоткрыла дверь, как увидела полосатое чудовище совсем близко от жилища. Она быстро захлопнула дверь. Тогда один из удэхейцев проделал ножом отверстие в корье юрты и сквозь него выстрелил в тигра. Зверь упал, но тотчас поднялся и пополз по льду реки. Наутро его нашли издохшим на другом берегу. Удэхейцы прикрыли его снегом и по сторонам выставили два кола со стружками, чтобы дать знать проходящим людям, что место запретное, а сами отошли немного ниже по течению, где я и застал их всех в сборе.

Когда мне рассказали об этом, я отправился к тому месту, где лежал тигр. Это был великолепный рослый самец. К сожалению, шкура его совсем погибла — шерсть из неё лезла большими клочьями. Я хотел было взять скелет животного, но это встревожило удэхейцев. Они говорили, что делать этого нельзя, что им житья не будет от других тигров, которые станут мстить за надругательство над их сородичем.

Дня через два я всё же отправился к мёртвому зверю, но уже не нашёл его. На том месте, где лежал тигр, была большая промоина: тёмная вода быстро и бесшумно бежала под лёд.

Мы с Крыловым отправились на разведку.

Скоро я заметил два следа: один большой — старый, другой поменьше — свежий. Следы шли по рытвинам и каналам в ту и другую сторону, шли поперёк, делали круги и возвращались обратно.

В одном месте мы натолкнулись на совершенно свежий след зверя. Крылов спустил собаку Кады, которую мы взяли с собой, но она не бросилась вперёд, а глубоко уткнувшись носом в снег, принялась обнюхивать каждую веточку, мимо которой мы проходили. Через минуту Кады опять пошла по рытвинам, затем остановилась и стала прислушиваться. Раза два она ложилась на брюхо, поджав под себя лапы. Настроение собаки передалось и нам. Кады не решалась идти вперёд, и мы тоже остановились в томительном ожидании. Прижав уши, собака стала озираться по сторонам, потом вдруг торопливо побежала назад и, обойдя Крылова, плотно прижалась к моим ногам. Я стал гладить её и почувствовал, что она дрожит.

Тигр был где-то поблизости.

Мы оба замерли на своих местах, напрягая слух и зрение, но ни малейший шорох не нарушал глубокой тишины леса. Вдруг в тайге гулко щёлкнуло мёрзлое дерево. Словно электрический ток пронзил меня от головы до ног. Крылов круто повернулся в сторону шума. Собака вздрогнула и ещё теснее прижалась к нам. Мы не сразу поняли, что это была шутка мороза.

Кады снова пошла вперёд. Она шла по кривой. В центре описываемого нами круга находился огромный тополь, который рос наклонно. Можно было подумать, что он лежит на земле. Около тополя снег был примят, местами изрыт, а между деревом и землёй что-то виднелось. Мы остановились. Я нагнулся и поднял с земли мёрзлый клубень какого-то корневища. Крылов взял его и бросил в тополь, но там было по-прежнему тихо. Тогда мы подошли к дереву смелее.

Это было логовище тигра. Тополь оказался дуплистым. Снегу под ним не было вовсе, а сухая трава была сильно помята кругом. В логовище валялось много обглоданных костей. Видно было, что полосатый хищник долго жил в этом логове. На соседнем дереве,

на высоте, которую я едва достал концом ружья, виднелся ряд продольных царапин. Я обратил внимание Крылова на ободранную кору и живо представил себе, как тигр выходит из логовища, зевает, потом поднимается на задние лапы, упирается передними в дерево и, выгнув спину, расправляет когти.

На снегу около тополя было много старых следов. Неизвестно было только, ушёл ли тигр на охоту сам или это мы спугнули его.

Мы пошли обратно по своим следам и скоро выбрались на реку. На душе сразу стало легче: предательский, полный опасностей лес остался позади, впереди расстилалась широкая полоса реки, покрытая снегом.

На биваке всё было в порядке: палатка поставлена, из трубы вместе с дымом вылетали искры, а рядом с палаткой на подстилках из хвои и сухой травы отдыхали ездовые собаки.

Вечером я занялся дневниками, потом сделал необходимые распоряжения и рано лег спать.

Вдруг ночью меня разбудил сильный шум. Я вскочил на ноги, мои спутники тоже проснулись и недоумевающе смотрели по сторонам. Снаружи были слышны визг, лай и вой. Собаки как сумасшедшие рвались на своих поводках. Стрелки быстро надели сапоги и выбежали из палатки.

Собаки перепутались ремнями, сбились в кучу и боязливо озирались по сторонам. Некоторые сорвались с привязи и, поджав хвосты, бегали около бивака. Что случилось? Почему такой переполох?

— Должно быть, приходил тигр,— сказал Крылов.

Я велел привязать собак и развести огонь.

— Моей собаки нет! — вдруг крикнул Марунич не своим голосом.

Мы с Крыловым подошли к нему и тут на снегу увидели капли крови и свежие следы тигра. Теперь всё стало ясно. Полосатый хищник задавил и унёс собаку.

Я принялся внимательно изучать следы и по ним без труда восстановил картину происшествия. Тигр шёл по реке вдоль нашего берега. Увидев бивак, он встал за бурелом. Здесь он долго стоял, потом лёг на брюхо, вытянув вперед лапы. Затем он перебрался через бурелом и по рытвине подкрался к биваку. Эта рытвина своим обрывистым краем ближе всего подходила к месту, где были привязаны собаки. Выскочить из засады, схватить одну из собак и опять скрыться в зарослях было для тигра делом одной минуты.

Мы решили взять с собой четыре ружья и идти по следу зверя. Если он понёс собаку к логовищу, то мы застанем его там, а если он бросит свою добычу и убежит, то мы насторожим ружья около тополя, затем возвратимся назад и будем ждать. Так мы и сделали. В шесть часов утра я, Крылов, Рожков и Глегола отправились в путь,

захватив с собой всё необходимое для настораживания винтовок.

Следы тигра шли прямо в лес. По ним видно было, что зверь, схватив собаку, уходил сначала прыжками, потом бежал рысью и последние полверсты шёл шагом. Оборванный собачий поводок волочился по снегу. Отойдя с версту, тигр остановился на небольшой полянке и стал есть собаку. Заслышав наше приближение, он бросил свою добычу и убежал. Собака оказалась наполовину съеденной. Мы стали настораживать здесь ружья.

В землю мы вбивали колья на небольшом расстоянии один от другого. К кольям привязывали винтовку — дулом в том направлении, по которому предполагался ход зверя. На тигра винтовка настораживается (соответственно величине его) на высоте четырёх-восьми вершков от колена человека, с таким расчётом, чтобы пуля попала зверю в бок, немного ниже лопатки. Мы укрепили ружья, зарядили их, взвели курки, а в промежуток между скобой и спуском вложили деревянные рычажки. К длинному концу рычажка прикрепили тонкий шпагат, протянули его через след зверя и привязали к дереву. Тигр, привыкший в чаще грудью рвать заросли, не обратит внимания на шнурок, который коснётся его тела. Он будет лезть вперёд, натянет шнур и ранит себя. Мы поставили четыре винтовки в расчёте, что, с какой бы стороны тигр ни пришёл, он непременно должен попасть под выстрел насторожённого ружья.

Потом мы замели свои следы еловыми ветвями и возвратились на бивак. Когда стало смеркаться, я велел разложить около собак костёр и выставить вооружённого часового. Ночь прошла спокойно, выстрелов не было слышно.

Рано утром стрелки сбегали на лыжах к насторожённым винтовкам и сообщили, что ночью тигр приходил к своей добыче. Обойдя собаку по большому кругу, он подошёл к ней, но предчувствуя что-то неладное, не решился тронуть её. Не доходя шагов двух до бечевы, тигр прилёг на брюхо. Судя по тому, что снег под ним подтаял, он лежал так довольно долго. Перед рассветом зверь снялся и пошёл назад. Стрелки следили его некоторое время и дошли до логовища, откуда он убежал, заслышав приближение людей.

Надо было окружить насторожёнными ружьями самое логовище. Эту работу взялся выполнить Крылов с двумя стрелками, а я остался на биваке. Совсем в сумерки они возвратились назад и рассказали, что на обратном пути на берегу одной из протоков они нашли штабель мороженой рыбы, со всех четырёх сторон оплётённый ивовыми прутьями. Рыба принадлежала, должно быть, удэгейцу Маха Кялондига. Тигр разломал плетёнку и лакомился рыбой. Судя по следам, это было сделано вчера ночью.

Когда стало смеркаться, мы забрали всех собак к себе в палатку.

Правда, это доставляло нам множество неудобств, но мы решили потерпеть.

Вторая ночь тоже прошла спокойно. Тигр ходил вокруг логовища и около мёртвой собаки. Он чуял опасность и не хотел рисковать своей жизнью, но я решил стоять здесь хоть неделю и ждать, когда голод сделает его менее терпеливым и менее осторожным. Однако тигр оказался умнее, чем я думал.

Весь день мы просидели в палатке: починяли одежду, налаживали собачью упряжь и справляли нарты.

Вечером, выйдя из палатки, я увидел удэхейца Маха, бегущего к нам по льду реки. Он был чем-то напуган.

— Что случилось? — спросил я.

— Худо! — отвечал он. — Тигр собаку унёс.

При этом он добавил, что зверь далеко не ушёл и ест собаку поблизости от его жилища.

До темноты оставалось не больше полутора часов. Я рассчитал, что, если я побегу за ружьём на бивак, а оттуда обратно к юрте удэхейца, на это потребуется не менее часа. Тигр за это время успеет съесть всю собаку и спокойно удалиться. Я спросил удэхейца, есть ли у него ружьё. Он ответил, что у него есть берданка, но стрелять в священного зверя он не будет. Но так как тигр сам напал на его дом, то он обещал проводить меня и указать место, где сейчас находится тигр. Я пошёл с удэхейцем, а Крылов и Рожков побежали в лес за ружьями. Через двадцать минут я был уже в юрте Маха. Жена его с двумя детьми сидела испуганная, забившись в угол и разложив у входа в жилище большой огонь. Собаки были собраны в юрту и привязаны к жердям, поддерживающим крышу.

Удэхеец достал из-под изголовья свое ружьё и подал его мне. Это была старенькая берданка. Я осмотрел её — всё было как будто в порядке. Я оттянул замочную трубку и нажал на гашетку. Мне показалось, что пружина действовала слабо.

Я стал торопить удэхейца. Он переобулся и взял копьё в руки. Перед тем как идти, Маха заявил мне, что это не он идёт бить тигра, а я и что копьё он берет с собой только так, на всякий случай.

Я подтвердил, что вся ответственность за убийство грозного зверя ляжет на меня одного. После этого мы надели лыжи и пошли.

Но пока удэхеец бегал к нам на бивак и пока я осматривал его ружьё, произошло событие, которого мы никак не могли предусмотреть. Тигр перешёл ближе к юрте и, расположившись под яром, на льду протоки, принялся за собаку.

Не подозревая, что зверь так близко, мы шли по протоке и громко разговаривали.

Вдруг Маха остановился как вкопанный. От неожиданности я наткнулся на него и чуть было не упал. Шагах в тридцати я увидел тигра. Он стоял неподвижно, опершись передними лапами в колодину, и глядел на нас в упор.

На мгновение зверь оскалил зубы; шерсть у него на спине поднялась дыбом; он дважды медленно шевельнул хвостом. Я растерялся и оцепенел; мой спутник тоже.

Вдруг я вспомнил про ружьё. «Надо стрелять,— мелькнула у меня мысль.— Непременно надо стрелять, а то будет поздно...» Я вскинул ружьё и нажал на спуск. Курок шёлкнул, но выстрела не было. Я снова взвёл курок, и опять выстрела не было. В это время сзади меня появились наши стрелки. Видя, что я целюсь в тигра и не стреляю, они решили открыть огонь по зверю с дальнего расстояния. Но их ружья, пробывшие двое суток на морозе и, вероятно, густо смазанные маслом, тоже дали осечку.

Тигр ещё минуту постоял на месте, затем повернулся и, по временам оглядываясь назад, медленно пошёл к лесу. В это мгновение мимо нас присвистели две пули, но ни одна из них не попала в зверя. Тигр сделал большой прыжок и в один миг очутился на высоком яру. Здесь он остановился, еще раз взглянул на нас и скрылся в кустарниках.

Мы вчетвером отправились на то место, где только что стоял тигр, и там, на льду, за колодником, увидели наполовину съеденную собаку.

Взволнованный, я сел на бурелом, не зная, что делать. Винтовка удэхейца была еще у меня в руках. В сердцах я швырнул её, как палку, в кусты.

Когда удэхеец узнал, что все три ружья дали осечку, он пришёл в неопишное волнение. Я стал ругать его берданку, но у него на этот счёт были свои соображения.

Тигр в его глазах стал ещё более священным животным. Он всё может: под его взглядом и ружья перестают стрелять. Он знает это и потому спокойно смотрит на приближающихся людей. Разве можно на такого зверя охотиться! И, не говоря больше ни слова, удэхеец поднял свою берданку, сдунул с затвора снег и молча отправился по лыжне назад в свою юрту. А мы сели на колодину и стали думать, что делать дальше.

Мы решили насторожить два ружья по сторонам мёртвой собаки. Третья сторона была защищена высоким яром, а четвёртая оставалась открытой.

Мне пришла в голову счастливая мысль — насторожить в этом месте самострел.

Поставив ружья, мы замели следы и по льду протоки напра-

вились обратно к юрте. Удэхеец дал нам свой самострел, показал, как надо его ставить, но опять сказал, что охотиться на тигра он не будет.

Мы с Крыловым вернулись обратно к мёртвой собаке. Закрыв самострелом доступ к ней со стороны протоки, мы взобрались на противоположный крутой берег и стали караулить тигра.

Я сидел за кустом и не смел шевельнуться. Иногда мне казалось, что я вижу какую-то тень на реке. Наконец стало совсем темно, и нельзя уже было видеть того места, где лежала мёртвая собака. Я поднял ружьё и попробовал прицелиться, но мушки не было видно.

— Надо идти, — сказал я тихонько Крылову, — начинает сильно морозить.

— У меня ноги тоже озябли, — ответил казак.

И мы вернулись в юрту.

Там уже все спали, только удэхеец сидел у огня и ожидал нас. Мы поели мороженой рыбы, напились чаю, легли на медвежью шкуру и заснули как убитые.

Часов в шесть утра меня разбудила жена удэхейца. Она сварила нам две рыбины с икрой и чумизой. Я спросил, не было ли ночью слышно выстрела. Удэхеец ответил, что он всю ночь не спал, но ничего не слышал. Я попросил его сходить к насторожённым ружьям.

Скоро Маха вернулся взволнованный и рассказал, что он видел спущенную тетиву самострела и кровь на снегу. Это сразу подняло наше настроение. Если тигр ранен серьёзно, то он далеко не уйдёт и ляжет где-нибудь поблизости.

Мы побежали к месту просшествия.

В глаза нам прежде всего бросился взрыхлённый снег и на нём многочисленные ярко-красные пятна крови. Очевидно, тигр пришёл к мёртвой собаке незадолго перед рассветом. Обойдя ружья, он остановился с лицевой стороны и, не видя преграды, потянулся к своей добыче, задел волосяную нить и спустил курок лучка. Стрела попала ему в левую лопатку. Тигр сделал громадный прыжок и, изогнувшись, старался зубами вытащить стрелу, но лапы его всё время скользили по льду. Он свалился в полынью, но тотчас выбрался оттуда. Тут же валялось помятое зубами древко стрелы, но наконечник остался в ране и, видимо, сильно беспокоил зверя. Видно было, что тигр долго старался достать его. Наконец он забился под яр. Здесь, упершись спиной в скалу, передними лапами в бурелом, а задними в смёрзшуюся гальку, он зубами захватил наконечник стрелы и вырвал её из лопатки.

В этом месте на снегу было больше всего крови. Освободившись от стрелы, тигр тотчас направился в лес. Сначала он волочил лапу,

но затем стал на неё легонько наступать. Он шёл и выбирал места, где были гуще заросли и меньше снега. След, оставленный правой лапой, был глубокий, а след левой только слегка отпечатывался на снегу. Видно было, что зверь берёт больную ногу и старался не утруждать ее. Крови на снегу оставалось всё меньше. Значит, зверь был ранен не тяжело, и вряд ли нам удастся догнать его скоро.

Чем дальше, тем лес был гуще и больше завален буреломом. Громадные старые деревья, неподвижные и словно окаменевшие, то в одиночку, то целыми рядами выплывали из чащи. Здесь царил сумрак, перед которым даже дневной свет был бессилён.

Один раз мы подошли совсем близко к тигру. Он забрался под бурелом и лежал на боку, видимо зализывая рану. Он так был занят этим делом, что не заметил, как мы подошли к нему почти вплотную.

В таких случаях надо быть очень осторожным.

— Капитан, — шепнул мне удэхеец, — не надо торопиться.

И в этот самый миг я увидел большое пёстрое тело, мелькнувшее по другую сторону лесного завала. Зверя заметил и Рожков, но так же, как и я, не успел выстрелить.

Мы хотели продолжать преследование, но удэхеец говорил, что дальше гнать зверя бесполезно, потому что он ранен слабо, успел оправиться и не только не избегает бурелома, а, наоборот, всячески старается идти там, где гуще заросли и больше валежника.

Доводы удэхейца были убедительны, но мы всё же решили ещё раз испробовать счастье. После скудного завтрака, поглотив немного снега, чтобы утолить жажду, мы отправились снова за тигром. По следам его было видно, что он сначала пошёл прыжками, потом рысью, а затем опять перешёл на шаг.

Вдруг шедший впереди Крылов остановился и, указывая на землю, сказал тихонько:

— Тигр обходит нас.

Действительно, наискось и поперёк следа преследуемого нами тигра шёл ещё другой такой же след. Хромота на левую лапу выдала тигра с головою. Стало ясно, что, выведенный из терпения настойчивым преследованием, он решил сам перейти в наступление. Он сделал большую петлю и, перейдя свой след дважды, решил где-нибудь устроить засаду. Дело становилось серьёзным. Мы удвоили внимание и пошли ещё медленнее. Вскоре тигр пересёк свой след в третий раз.

Мы так увлеклись охотой, что и не заметили, как исчезло солнце и серый холодный сумрак спустился на землю.

— Плохо, — говорил удэхеец, поглядывая вверх, — тучи. Снег большой будет.

В лесу стало совсем сумрачно. Казалось, будто стволы деревьев

плотнее сдвинулись между собой, чтобы преградить нам дорогу.

Я взглянул на часы. Было около пяти часов вечера.

Надо было возвращаться назад, хотя бы для того, чтобы утолить голод. Обстоятельства принуждали нас оставить «поле боя» за зверем. Голос благоразумия подсказывал, что как бы тигровая шкура ни была дорога, своя всё же дороже.

Над тайгой пронёсся порыв ветра. Лес зароптал, зашумел. И тотчас весь воздух наполнился белесоватой мутью, в которой потонуло всё, что ещё было видно до сих пор.

— Надо торопиться,— сказал Крылов,— а то как бы нам не пришлось ночевать в лесу.

Мы прибавили шаг. Лыжню быстро заносило снегом, она была чуть заметна. Скоро следы пропали совсем. Крылов остановился. Тогда удэхеец пошёл вперёд. Он хорошо знал эти места и прокладывал новую дорогу через снежные сугробы, напрямик к своей юрте. Стало совсем темно, трудно было рассмотреть, что делается в десяти шагах.

Я опасался за своих стрелков, которые легко оделись, чтобы удобнее было преследовать зверя.

Про тигра я совершенно забыл и думал только об одном: как бы поскорее добраться до юрты. Наконец мы подошли к месту, где были насторожены наши ружья около мёртвой собаки. Это всех нас подбодрило. Ещё минут десять хода — и я увидел между деревьями красноватые клубы дыма, которые вместе с искрами вырывались из отверстия в крыше юрты.

ЗИМНИЙ ПОХОД

Мы перевалили через горный хребет Сихотэ-Алинь. На западном склоне Сихотэ-Алиня снега оказались глубокие. Нарты приходилось тащить главным образом нам самим. Собаки зарывались в сугробах, прыгали и помогали мало. Они знали, как надо лукавить: ремень, к которому они были припряжены, был натянут только чуть-чуть; в этом легко можно было убедиться, тронув его рукой. Хитрые животные оглядывались и, лишь только замечали, что их хотят проверить, делали вид, что стараются.

Чем дальше вниз по реке, тем снег был глубже и тем медленнее мы продвигались. Я решил завтра оставить нарты на биваке и протоптать на лыжах дорогу, чтобы можно было ею воспользоваться на следующий день.

Мы устроили бивак с правой стороны реки, среди молодого ельника, у подножия высокой скалы. Место мне показалось удобным: с одной стороны от ветра нас защищал берег, с другой — лес, с третьей — молодой ельник.

На другой день мы пошли протаптывать дорогу налегке. Отойдя немного, я оглянулся и тут только увидел, что место для бивака было выбрано не совсем удачно. Сверху со скалы нависла громадная глыба снега, которая каждую минуту могла сорваться и засыпать нашу палатку вместе с людьми. Я решил, когда мы вернёмся, перенести палатку на другое место.

По рыхлому снегу самый привычный ходок может идти без отдыха не больше получаса. Поэтому у нас через каждые двадцать минут человек, идущий впереди, переходил в хвост, а его место занимал следующий. Так, чередуясь и протаптывая дорогу, нам удалось сделать за целый день всего только десять километров. Когда солнце совсем склонилось к горизонту, мы повернули назад. Подходя к биваку, я ещё издали увидел, что на месте нашей палатки лежала громадная куча снега вперемешку с мусором, свалившимся сверху. Случилось то, чего я опасался: пока нас не было, произошёл обвал. Часа два мы откапывали палатку, ставили её вновь, потом рубили дрова. Выло совсем темно, когда мы вошли в палатку и стали готовить ужин.

Ночь была тихая и звёздная. В лесу изредка потрескивали от мороза деревья. В палатке было уютно и сравнительно тепло. Я вносил записи в дневник, Ноздрин мешал кашу в котле, а Рожков, стоя, свёртывал себе папиросу. Вдруг какой-то странный шум пронёсся в воздухе. Он исходил откуда-то снизу, из-под земли. Словно там что-то большое, громоздкое падало, рушилось и с грохотом валилось с одного уступа на другой. Палатка наша вздрогнула и покачнулась. Лес зашумел, и с деревьев посыпался на землю снег. Собаки всполошились и подняли вой. Шум быстро стих и унёсся к северо-востоку. Я сразу понял: это было землетрясение. Теперь мне стало ясно, отчего произошёл снежный обвал.

Находишься мы в это время на биваке, нам бы грозила большая опасность.

Когда вздрогнула земля, Ноздрин, морщась от дыма и не глядя на Рожкова, недовольным голосом сказал:

- Брось, будет тебе!
- Что? — спросил Рожков.
- Да трястись на месте.

Он думал, что это Рожков в шутку трясёт палатку и котёл с кашей.

Ночью было ещё два слабых толчка, но я так устал за день, что спал как убитый и ничего не слышал. За ночь наша лыжня хорошо занастилась, и на следующий день мы прошли десять километров скоро и без всяких приключений.

Протаптывание дороги по снегу заставляло нас проделывать один и тот же маршрут по три раза и, следовательно, удлиняло весь путь во времени более чем вдвое. Это беспокоило меня, потому что запас нашего продовольствия был рассчитан лишь на три недели. Растянуть его можно было бы ещё дня на четыре. Я надеялся встретить гольдов-соболёвщиков и внимательно присматривался ко всяким следам.

Случалось, что протоптанную накануне дорогу заметало ночью снегом, и тогда надо было протаптывать её снова. За день мы так уставали, что, возвращаясь назад, еле волокли ноги; а на биваке нас тоже ждала работа: надо было нарубить и натаскать дров, приготовить ужин и починить обувь или одежду. Снег был такой глубокий, что даже на биваке мы не снимали лыж. Без них нельзя было принести воды, дров и подойти к нартам.

Наша обувь и одежда изнашивались до последней степени. И не мудрено: второй год путешествия был на исходе. Изношенную обувь мы не бросали, а держали как материал для починки. Сначала починка производилась редко, а потом всё чаще и чаще — почти ежедневно. Когда был израсходован последний лоскут рыбьей кожи, мы стали рвать полы полушубков и ими подшивать унты. Этот материал тоже был непрочен и быстро протирался. В конце концов мы так обкорнали полушубки, что они превратились в гусарские курточки без пол. Тогда мы бросили верхние поясные ремни как вещи ненужные, потому что они постоянно съезжали на нижнюю одежду.

Не лучше обстояло дело и с бельём. Мы уже давно не раздевались. Бельё пропотело и расползлось по швам. Обрывки его ещё кое-где прикрывали тело; они сползали книзу и мешали движениям. Не раздеваясь, мы вытаскивали то один кусок, то другой через рваный карман, воротник или рукав.

Я никак не думал, что наш маршрут так затянется. Всему виной были глубокие снега и частые бураны.

С 7 по 18 декабря дни были особенно штормовые. Как раз в это время мы нашли охотничий летник, построенный из древесного корья на галечниковой отмели. Летник был старый, покинутый много лет тому назад. Кора на крыше его покоробилась и сквозила. Мы так обрадовались этим первым признакам человеческого жилья, как будто это была самая роскошная гостиница. Тут были люди! Правда, давно, но всё же они сюда заходили. Быть может, и опять попадутся на встречу.

Мы привели летник, насколько это было возможно, в порядок: выгребли снег, занесённый ветром через дымовое отверстие в крыше, выгребли мусор и сырой травой заткнули дыры.

Я рассчитывал, что буря, захватившая нас в дороге, скоро кончится, но ошибся. С рассветом ветер превратился в настоящий шторм. Сильный ветер поднимал тучи снега с земли и с рёвом несся вниз по долине. По воздуху летели мелкие сучья, корьё и клочки сухой травы. Берестяная юрточка вздрагивала, и казалось — вот-вот тоже поднимется на воздух. На всяких случай мы привязали её верёвками от нарт к ближайшим корням и стволам деревьев.

Мы сожгли всё топливо, и теперь надо было идти за дровами.

Но едва только Рожков вышел из юрты, как сразу ознобил лицо. На посиневшей коже выступили белые пятна. Я стал усиленно оттирать ему лицо снегом.

Буря завывала, сотрясая юрту до основания. Внутри юрты было дымно и холодно.

Когда последнее полено было положено в огонь, стало ясно, что, несмотря на ветер и стужу, мы должны идти за топливом. Тогда, завернув головы одеялами, с топорами в руках, я и Ноздрин вышли из юрты.

Сильным порывом ветра меня чуть не опрокинуло на землю, но я удержался, ухватившись за глубоко воткнутую в гальку жердь, которой было прижато корьё на крыше нашей «гостиницы». Кругом творилось что-то страшное. Ветер нёс снег сплошной стеной. Сквозь снежную завесу я увидел Ноздрина. Он стоял спиной к ветру и старался спрятать лицо. Совсем наугад я пошёл вправо и шагах в ста от юрты, на берегу высохшей протоки, наткнулся на плавник, нанесённый водою. Я стал его разбивать. Снежная завеса разорвалась, и совсем рядом с собой я увидел того же Ноздрина. Я тронул его рукою. Мы набрали дров сколько могли и понесли к биваку.

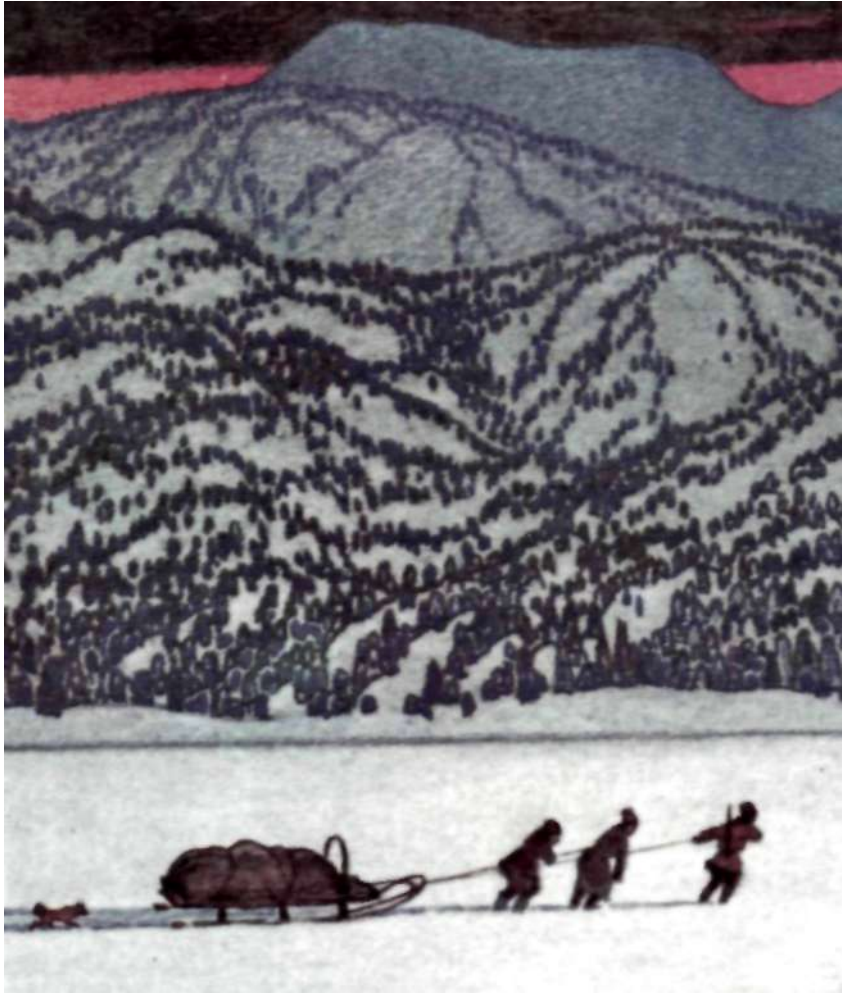
Спустя некоторое время вернулся в юрту и Рожков. Он ничего не нашёл и сильно промёрз. Я пожурил его за то, что он, больной, ушёл, ничего не сказав мне. В такую пургу можно заблудиться совсем рядом с юртой и легко погибнуть.

Согревшись у огня, мы незадолго до сумерек ещё раз сходили за дровами и в два приёма принесли столько дров, что могли жечь их всю ночь до утра.

Так промаялись мы ещё целые сутки, и только на третий день к вечеру ветер начал понемногу стихать. Тяжёлые тучи ещё закрывали небо, но порой сквозь них пробивались багровые лучи заката. В тёмных облаках, в ослепительной белизне свежеснеженного снега и в багрово-золотистом сиянии вечерней зари чувствовалось приближение хорошей погоды.

С тех пор как мы начали сокращать себе ежедневную порцию продовольствия, силы наши стали падать. С уменьшением запасов юколы нарты делались легче, но тащить их становилось труднее и труднее.

Уже несколько раз мы делали инспекторский смотр нашему инвентарю, чтобы лишнее оставить в тайге, и каждый раз убеждались, что бросить ничего нельзя. Будь лето — мы давно бросили бы всё и налегке как-нибудь добрались до людей, но глубокий снег и главным образом морозы принуждали нас тащить палатку, поперечную пилу, топоры и прочие бивачные принадлежности. Лишиться всего этого — значило немедленно обречь себя на верную смерть.

Было ясно, что, если в ближайшие дни мы не убуём какого-нибудь зверя или не найдём людей, мы погибли.

Но из-за глубоких снегов зверь не ходил — он стоял на месте и грыз кору деревьев, росших поблизости. Нигде не было видно следов. Из шести собак трёх мы потеряли неизвестно где и как. Быть может, они убежали назад. Две погибли с голоду, и только одна плелась следом за нартами. Мне удалось убить молодую выдру, Ноздрин застрелил небольшую рысь. Мы съели их с величайшей жадностью, а затем началась голодовка. Измученные и обессиленные, мы едва передвигали ноги.

Переходы наши с каждым днём становились всё короче и короче, мы стали чаще отдыхать, раньше становиться на бивак, позже вставать, и я начал опасаться, как бы мы не остановились совсем. Усталость накапливалась давно, и мы были в таком состоянии, что ночной сон уже не давал нам полного отдыха. Нужно было сделать днёвку, но есть было нечего, и это принуждало нас, хоть и через силу, двигаться вперёд. Встреча с людьми — только это одно могло спасти нас, только эта надежда ещё поддерживала наши угасающие силы.

Однажды шедший впереди Ноздрин остановился и грузно опустился на край нарты. Мы оба как будто только этого и ждали. Рожков немедленно сбросил с плеча лямку и тоже сел на нарту, а я подошёл к берегу и привалился к вмёрзшему в лёд большому древесному стволу, занесённому илом и песком.

Мы долго молчали. Я стоял и машинально чертил палкой на снегу узоры. Потом я поднял голову и безучастно посмотрел на реку. Мы только что вышли из-за поворота — перед нами был плёс не менее полутора километров в длину. Солнце уже склонилось к верхушкам самых отдалённых деревьев и косыми лучами озарило долину Хунгари и все малые предметы на снегу, которые только при этом освещении могли быть видны по синеватым теням около них. Мне показалось, что через реку протянулась полоска. Словно верёвочка, шла она наискось и скрывалась в кустарниках на другом берегу.

«Лыжня!»

Едва эта мысль мелькнула у меня в голове, как я сорвался с места и побежал к полоске, которая выступала всё отчетливее. Действительно, это была лыжня. Один край её был освещен солнцем, другой в тени, — эту тень я и заметил.

— Люди, люди!.. — закричал я не своим голосом.

Рожков и Ноздрин бросили нарты и прибежали ко мне. Тем временем я успел всё рассмотреть как следует. Лыжня была вчерашняя и успела хорошо занаститься. Видно было, что по ней шёл человек маленького роста, маленькими шагами, на маленьких лыжах и с пал-

кой в руке. Если это мальчик, то, значит, человечье жильё совсем близко.

Тотчас мы направились по следу в ту сторону, куда ушёл этот человек. Я старался не упустить ни одной мелочи в следах и внимательно осматривал всё у себя под ногами и по сторонам. В одном месте я увидел сделанные в одну линию четыре уже замёрзшие проруби — это ловили рыбу подо льдом. Немного далее ещё две лыжни, совсем свежие, пересекли нам дорогу. А вот здесь кто-то совсем недавно рубил дрова.

— Люди, люди!..

Каждый из нас повторял это слово.

Протока сделала ещё один поворот вправо, и вдруг перед нами совсем близко, появилась небольшая юточка из корья. Из неё вышла маленькая, сморщенная старушка с длинной трубкой.

— Би Чжанге, ке-кеу-де елани агдэ ини. Бу дзяпты анчи (Я — начальник, нас три человека. Уже много дней мы ничего не ели), — сказал я ей.

Старушка сначала испугалась, но фраза, сказанная на родном языке, сразу расположила её в нашу пользу. В это время из юрты вышла другая старушка, ещё меньше ростом, ещё более сморщенная и с ещё более длинной трубкой. Я объяснил им, кто мы такие, как попали на Хунгари, куда идём, как нашли их по лыжне, и просил оказать нам гостеприимство. Узнав, что мы обессилели от голода, старушки засуетились и пригласили нас войти в юрту. Одна из них пошла за водой к проруби, а другая надела лыжи и с палкой в руках пошла в лес. Минут через десять она вернулась с большим куском сохатиного мяса и принялась варить обед. Другая старушка повесила над огнем чайник и стала жарить на углях юколу.

С невероятной жадностью набросились мы на еду. Старушки угощали нас очень радушно, но убеждали не есть много сразу.

Когда первые приступы голода были утолены, я хотел со своими спутниками идти за нартами, но обе хозяйки, расспросив, где мы оставили их, предложили нам лечь спать, сказав, что нарты доставят их мужья, которые ушли на охоту ещё вчера и скоро вернуться.

Не раздеваясь, я лёг на мягкую хвою; отяжелевшие веки закрылись сами собой. Я слышал, как заскрипел снег под лыжами около дома (это куда-то ушли старушки), и вслед за тем я, как и мои спутники, погрузился в глубокий сон. Когда я проснулся, в юрте ярко горел огонь. Рожков и Ноздрин ещё спали. По другую сторону огня против нас сидели обе старушки и мужья их, возвратившиеся с охоты. Я видел, что мы все были разуты и на ногах у нас вместо рваных унтов были надеты кабарожьи меховые чулки. Я хотел было подняться и сесть, но почувствовал сильное головокружение.

— Спи! Надо много спать,— сказал мне старик.

Я откинулся назад и опять утонул во сне.

На другой день мы проснулись совершенно разбитыми. Всё тело словно было налито свинцом, даже руку поднять было тяжело. Когда проснулись Рожков и Ноздрин, я не узнал их. У них отекли руки и ноги, распухли лица. Они тоже смотрели на меня испуганными глазами. Очевидно, и я выглядел не лучше. Старики орочи посоветовали нам подняться, походить немного и вообще что-нибудь делать, двигаться...

Это легко было сказать, да трудно было исполнить. Но орочи настаивали. Они помогли нам обуться и подняться на ноги. Старики принялись рубить дрова и просили то одного, то другого из нас сходить за топором, принести дров или поднять полено. Я убедил Рожкова и Ноздрина не отказываться от работы и объяснил, что нужны движения, нужен физический труд, хотя бы и через силу.

Головокружение, тошнота и сонливость не оставляли нас весь день. Трижды мы вылезали из юрты, заставляя себя двигаться.

Силы наши восстанавливались очень медленно. Две недели обе старушки ходили за нами, как за малыми детьми, и терпеливо переносили наши капризы. Только мать может так ухаживать за больным ребёнком. Женщины починили всю нашу одежду и дали нам новые унты; мужчины починили нарты и сделали нам новые лыжи. Наконец мы оправились настолько, что могли продолжать путешествие.

Как сейчас, вижу маленькую юрточку на берегу запорошённой снегом протоки. Около юрочки стоят две женщины-старушки с длинными трубками. Они вышли нас провожать. Отойдя немного, я оглянулся. Старушки стояли на том же месте. Я помахал им шапкой. На повороте протоки я послал им последнее «прости».

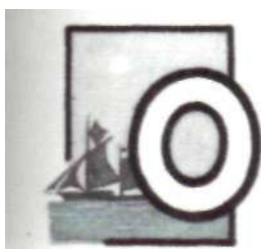
Старики снабдили нас продовольствием на дорогу и проводили, как они сами говорили, на шесть песков, то есть на шесть отмелей, образовавшихся у поворотов реки. Они рассказали нам путь вперёд на несколько суток и объяснили, где найти людей. Мы расстались.

Зимний переход по реке Хунгари в 1909 году был одним из самых тяжёлых в моей жизни. И каждый раз я вспоминаю с умилением двух старушек, которые, быть может, спасли нас от смерти.

НА ОСТРОВЕ ИОНЫ

хотское море суровое, холодное, бурное. Лето там короткое: в конце июня ещё плавает лед, в октябре уже пойдут штормы, начнутся морозы, а к концу месяца, глядишь, появится молодой лёд.

В середине этого моря лежит остров — даже и не остров, а гора, и называется эта гора островом Ионы.

Вышли мы в море в свежую погоду. Наше судёнышко, ныряя и зарываясь в волны носом, медленно продвигалось вперёд против ветра. Так прошли сутки, потом ветер стих, и море постепенно успокоилось, но сразу навалился туман. Шли по компасу, часто проверяя пройденное расстояние. На вторые сутки капитан поставил на карте последнюю точку и сказал, что остров близко. Но как найти такой островок в густом тумане?

Решили ждать, когда разойдётся туман. Якорь не отдавали, так как было глубоко, да и грунт такой, что якорь всё равно держать не будет. Легли в дрейф. Когда мотор остановили и стало тихо, на юго-востоке мы услышали какой-то шум — то низкий, глухой, как пароходные гудки, то более высокий и резкий.

— Говорил же я, что остров близко! Слышите? — сказал капитан.

— А что же это за шум? Море шумит?

— Нет, это сивучи ревут да птицы кричат

Капитан раньше бывал на острове Ионы.

— Значит, остров-то совсем близко? Сколько мы до него не дошли?

— Да мили три,— говорит капитан,— а может быть, и больше. Если бы не туман, видно было бы.

«Вот тебе,— думаю,— и необитаемый остров, а жизнь-то за пять километров слышно!»

На другое утро приходит ко мне в каюту вахтенный матрос и говорит, что туман разошёлся и остров виден. Я скорее на палубу. Смотрю, кругом чисто и только в стороне острова осталась густая полоса тумана, а над ней видна вершина острова. День был ясный, солнечный, тихий. Паруса мы подняли для просушки — так они и не шелохнутся. К девяти часам утра ушёл последний туман. Взял я бинокль и стал разглядывать этот остров. Вот тут-то я жизнь и увидел! Все скалы, все выступы — словом, буквально весь остров усеян птицами. Их там миллионы! И все кричат. Неудивительно, что их за пять километров слышно.

Птицы занимают верхние этажи — скалы. Нижние этажи — подножия скал и береговые выступы — заняты сивучами. Эти, в свою очередь, тоже всё время ревут. Получается такой, концерт, что хоть уши затыкай.

Сивучи — это морские млекопитающие, ушастые тюлени. Так же как и обычные наземные животные, они дышат лёгкими, рожают живых детёнышей, которых мать выкармливает своим молоком. Только жизнь их связана с морем. Конечности превращены у них в ласты, напоминающие плавники рыб. При помощи этих ластов сивучи очень хорошо и быстро плавают.

В долгую суровую зиму остров Ионы действительно необитаем. Но вот приближается весна. Солнце стало пригревать; нет-нет да и потянет тёплый южный ветерок, снег на острове быстро тает и начинается разрушение льда. Он начинает таять, его ломает волнами и уносит на юг, где весна доканчивает свое дело.

В это время на острове Ионы появляются первые гости — птицы. Прилетают кайры, бакланы, чайки, топорки и маленькие морские петушки. Зашумел, закричал весь этот разноголосый хор, и ожил остров.

Особенно много на острове кайр. Эти красивые спокойные птицы, с чёрной головкой и спинкой, с белым брюшком и острым носиком, деловито рассаживаются по скалам, размещаясь на летних квартирах. Гнёзд они не строят, так что забот у них немного. Яйца кайры кладут прямо на камни, без всякой подстилки, и надо только найти маленький уступ, где может уместиться яйцо. Поэтому кайры большую часть времени спокойно сидят на скалах или плавают по морю, добывая себе пищу. Сидят они на самых обрывах. Кайра — птица тя-

желая, с ровного места ей подняться трудно, поэтому она выбирает высокие, обрывистые места, откуда можно броситься прямо вниз, в воздух, а уже потом, в полёте, расправить крылья.

Больше хлопот у чайки. Где-нибудь на самом обрыве, на маленьком уступе, чайка выстилает площадку какими-то травками, землёй, где-то берёт палочки, добавляет перья, пух и — гнездо готово. Собственно, это и не гнездо, так как углубления почти нет, а просто площадка, устланная всякой всячиной; но ведь кайры и этого не делают.

В половине или в конце июня на остров приходят из южных морей жильцы нижних этажей — сивучи. Первыми появляются крупные самцы; они называются секачами. Секачи по-хозяйски осматривают остров, выбирая себе «квартиры» для будущих семейств. Вопрос, кому где разместиться, решается силой. Возникают кровопролитные побоища: звери яростно набрасываются друг на друга, вцепляются своими страшными зубами в противника, вырывая кожу вместе с кусками мяса. Секачи страшно режут, катаются по берегу и дерутся иногда до полного изнеможения. Кто сильнее, тот занимает лучшие лежбища, а слабые пользуются тем, что останется. Наконец делёжка окончена, и сивучи укладываются на новых лежбищах.

Тогда приходят на остров молодые звери — самцы и самки двух-четырёх лет. Эти располагаются где придётся, занимая все скалы; взбираются иногда очень высоко, на двадцать-тридцать метров. Прямо удивляешься, как животное, такое неуклюжее на суше, может забраться на почти отвесную скалу.

Едешь на лодке и вдруг видишь — высоко-высоко над головой, на скале, показывается голова сивуча. И если он чего-нибудь испугается, то прямо головой вниз, «ласточкой», бросается в воду, и беда, если лодка не успеет уйти! Представьте себе, что к вам в лодку с большой высоты прыгает «зверёк» в полтонны весом!

В других случаях сивуч катится по камням, как на салазках, что ещё удивительнее. Залезет он высоко на скалы, но только перед ним не обрыв, а довольно пологий склон, и прыгнуть прямо в воду никак нельзя. Испугается он чего-нибудь, надо очень быстро слезть в воду, а быстро-то разве слезешь: ведь сивуч — не горный баран! Он бросается вниз и едет по камням. Его швыряет из стороны в сторону, бьёт об острые выступы. Кажется, что он до смерти расшибётся, а смотришь, слетел кувырком в воду и поплыл как ни в чём не бывало. Кожа у него толстая, а под кожей — слой сала, как у домашней свиньи. Оно и защищает его тело от ушибов.

Дней через десять после прихода самок на лежбищах появляется много маленьких хорошеньких зверьков. Они тёмно-коричневого цвета, шёрстка у них мягкая, а длина зверька — около метра. Это родились молодые сивучи. Рождаются они приблизительно в одно время, так

что за несколько дней на острове их появляется больше тысячи. Первые дни самки почти не уходят от детёнышей: лежат на берегу, кормят их, а если иногда и сойдут в воду пополоскаться, то скорее возвращаются на берег. А детёныши дней двадцать совсем не входят в воду: они ещё и плавать не умеют. Если столкнуть их в воду, то они стараются скорее выбраться на берег, смешно так барахтаются, а сами всё жмутся к берегу, боятся утонуть.

Большой зверь сивуч, а трусливый! Стоит подъехать на лодке к лежищу, как все взрослые сивучи мгновенно убегут в воду. Соберутся в кучу, выставят из воды головы и страшно ревут, плывя за лодкой. Но стоит только повернуть лодку в их сторону, как они сразу нырнут и отплывут на некоторое расстояние, а оттуда опять стараются испугать своим криком. Вылезешь на берег, ходишь между детёнышами, и ни один взрослый сивуч не решится заступиться за своих детей и прогнать непрошеного гостя. Даже странно смотреть, когда огромный, страшный зверь поспешно удирает от невооружённого человека.

К началу августа детёныши настолько подрастают, что начинают свободно плавать. Семейная жизнь начинает распадаться. Драк почти нет. Часто можно видеть, как рядом мирно лежат два бывших врага, не делая никаких попыток затеять ссору. Сивучи часто сходят в воду, где они усиленно питаются, готовясь к длинному путешествию на юг.

Ревут они всё время — и день и ночь над островом стоит несмолкаемый рёв.

Интересно смотреть, как играют взрослые сивучи. Они, как собачонки, плавают и ныряют, догоняя друг друга, борются, хватают друг друга зубами, и всё это очень грациозно, так как в воде сивучи необычайно проворны.

А наверху жизнь идёт своим чередом. Вывелись птенцы, и теперь вереницы птиц непрерывно летят: одни в море, а другие обратно, на остров, таща в клюве рыбёшку для пропитания своих прожорливых детёнышей.

Заберёшься на скалы — и растеряешься. Везде, где только можно, даже в грязи, в лужах, лежат яйца и сидят уже вылупившиеся птенцы — грязные, мокрые. Сидят смиренно, молчат. Это кайры. А вот на выступе из своего гнезда выглядывают птенцы чайки. Эти чистенькие, они живут лучше. Поднесёшь палец, а птенец сразу разинет рот и старается схватить. В это время мать летает около самой вашей головы и жалобно стонет, боясь за своё детище.

Зато кайры не обращают внимания на людей. Можно поймать птенца, он запишит в руках, а мать сидит рядом и спокойно смотрит на вас своим чёрным глазом, смешно вертя головой. Только иногда она издаёт тихий звук — что-то вроде «кrrrr-кrrrr!» Вообще

они людей не боятся. Мы стали подходить к кайрам, отгоняя их к обрыву. Они медленно отходили, не улетаая, а когда отступать стало некуда, позволили нам подойти к ним вплотную. Мы сели рядом с ними и стали гладить их по голове, по спине; они сидели совершенно спокойно, только слегка пригибали голову, когда рука дотрагивалась до неё. Наконец мы столкнули одну кайру с обрыва, но она, облетев круг, села на старое место и опять позволила гладить себя.

Видел я совершенно удивительный случай, когда взрослые птицы нечаянно столкнули птенца с обрыва метров двадцати высотой. «Ну, — думаю, — останется мокрое место от него». Шутка ли — с такой высоты упасть на камни! Смотрю, шлёпнулся птенец на камни, полежал некоторое время неподвижно, а потом встал и тихонечко заковылял к воде — правда, волоча одну ножку: он её или сломал, или вывихнул. Мягкий пух задерживает птенца при падении и предохраняет от ушибов.

Приближается осень. Солнце уже не греет, начались штормы, и ветерок всё чаще и чаще тянет с севера. Море открытое, глубокое, и волны на остров идут страшные. Сивучьи лежбища заливают. А тут, глядишь, ночью ударил мороз и появляется ледок. Забеспокоились жители острова: приходит время собираться в путь. Молодёжь подросла, птенцы летают так, что их от взрослых птиц не отличишь, да и сивучата стали совсем взрослыми. Правда, размером им со старыми не сравняться, да и более тёмная окраска выдаёт их, но в плавании они от родителей не отстают.

И вот как-то утром после шторма все их летние квартиры оказались покрытыми тонким слоем льда. Тогда сивучи сошли в воду, поплавали вокруг острова, поревели на прощанье и пошли в тёплые моря, чтобы переждать холодную зиму, а весной снова вернуться на остров. Нижние этажи освободились.

Заволновались и птицы. Не понравилось им, что остров стал покрываться снегом, а на море плавают лёд и негде добыть себе пищу. Посовещались они между собой, снялись с острова, и скоро вся огромная стая затерялась в необъятном морском просторе.

Тихо стало на острове, пусто, и только волны шумят, набегая на берег.

В СЕЛЕНИИ ОРОЧЕЙ

ыли уже сумерки, когда мы достигли селения Дата. Домики орочей, точно серые, невзрачные зверьки, испуганные чем-то, сбились в кучу и притаились около высокого утёса. Запахло морем. Орочи повернули лодки. Учувя наше приближение, собаки начали выть все разом.

Из ближайшей юрты вышел мужчина. Это был ороч Антон Сагды, с которым впоследствии я подружился. Он позвал свою жену и велел ей помочь нам перенести вещи. Мы узнали, что всё мужское население ушло на охоту за морским зверем и дома остались старики, женщины и дети. Через несколько минут мы сидели в юрте по обе стороны огня и пили горячий чай.

После ужина ороч и его жена ушли к соседям, предоставив нам для ночёвки всю юрту.

Когда я проснулся, было уже поздно. Сквозь отверстие в крыше юрты виднелось серое небо. Одеяло моё немного промокло от дождя.

При дневном освещении селение Дата имело совсем иной вид. Семь бревенчатых домиков и десять юрт из корья растянулись вдоль берега реки. Юрты орочей больше размерами, чем у родственных им удэхейцев. Кроме крыш, у них есть боковые стенки. Люди помещаются на полу по обе стороны огня. Тут же, на полках, связанных

лыком, где стояла деревянная и берестяная посуда, я заметил несколько белых тарелок.

Орочи любят держать около своих домов птиц и животных. В селении Дата был настоящий зверинец.

Близ юрты Антона Сагды в особом помещении, сложенном из толстых брёвен, сидел медведь. Когда он достигнет полного возраста, его, убьют в праздник, как это делают гиляки и айны. Медведь был злой и сквозь щели в брёвнах старался лапой схватить любопытных, заглядывающих в его темницу.

В другом домике я увидел молодую лису. В движениях её было что-то порывистое, собачье, и что-то грациозное, кошачье.

По соседству, на сушилках, привязанный за ногу, сидел орёл. Он успел уже свыкнуться со своей неволей, равнодушно поглядывал по сторонам и только время от времени клювом перебирал у себя на груди перья.

Около крайнего дома, в деревянном ящике, сидели две только что пойманные молодые утки. Они пищали и просовывали свои неуклюжие головы между прутьями клетки. Тут же, внутри юрты, по полу прыгала привязанная за ногу озорница сойка. Она испускала резкие крики и, согнув набок головку, поглядывала в дымовое отверстие в крыше.

После осмотра селения я хотел перебраться на другую сторону реки. Антон Сагды охотно взялся проводить меня к морю. Мы сели с ним в лодку и переехали через реку.

Самое устье Тумнина узкое. Огромное количество воды, выносимое рекою, не может вместиться в устье. С берега видно, как сильная струя пресной воды далеко врывается в море, и кажется, будто там ещё течет Тумнин. Навстречу ему идут волны, тёмные, с острыми гребнями. Столкнувшись с быстрым течением реки, они сразу превращаются в пенистые буруны.

Я сел на берегу и стал любоваться прибоем, а мой спутник закурил трубку и рассказал, как однажды семнадцать человек орочей на трёх больших лодках отправились за морским зверем.

Дело было весной, в марте. Надо было добраться до сплошного льда, где охотники рассчитывали найти тюленей. Погода была хорошая, море тихое. Мыс, где ныне стоит Николаевский маяк, чуть виднелся на горизонте. После полудня орочи заметили лёд и на нём много нерп. В короткий срок охотники убили до сотни нерп.

Вдруг с северо-восточной стороны надвинулся холодный туман и пошёл снег. Старики уговаривали молодых орочей бросить убитых животных и спешно идти назад к берегу, которого теперь уже не было видно. Тяжело нагруженные лодки не могли двигаться скоро. Небо всё больше и больше заволакивало тучами. Охотники потеряли на-

правление и гребли наугад до самых сумерек, а ветром их относило в сторону. Так промаялись они всю ночь, а наутро, когда стало светать, опять увидели перед собой ледяное поле и на нём трупы убитых ими тюленей. Тогда они вытащили лодки на лёд, укрепили на вёслах палатки и стали выжидать конца бури.

Двое суток бушевало море. Опасаясь, что волнением может взломать лёд, старики велели всем держаться около лодок. Дров не было, жгли в котлах нерпичье сало, на растопку шли палки и доски от сидений. Огонь раскладывали только тогда, когда надо было согреть воду. На третий день ветер начал стихать, море понемногу стало успокаиваться. Когда небо очистилось, люди увидели землю. По очертаниям гор старики узнали, что находятся против устья реки Копи.

Уезжая со льдины, охотники побросали всех тюленей в воду, отдав их в жертву хозяину морей Тэму, в глубоком убеждении, что это он наказал их за убий такого большого количества тюленей — его собак."Орочи дали обет на будущее время бить зверя ровно столько, сколько надо для прокормления.

Велика была радость женщин селения Дата, увидевших своих мужей и братьев, которых они считали безвозвратно погибшими.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ ЗИМОЙ

зимой, в начале декабря, я ходил на рыбную ловлю к устью реки Кусуна.

Удэхейцы захватили с собой тростниковые факелы и тяжёлые деревянные колотушки.

Между протоками, на одном из островов, заросших осиной, ольхой и тальником, мы нашли странные постройки, крытые травой, и сразу узнал работу японцев. Это были хищнические рыбалки, совершенно незаметные как суши, так и со стороны моря. Один из таких шалашей мы использовали для себя.

Лёд в заводи был гладкий, как зеркало, чистый и прозрачный; под ним хорошо были видны мели, глубокие места, водоросли, камни и утонувший плавник. Удэхейцы сделали несколько прорубей и спустили в них двойную сеть. Когда стемнело, они зажгли тростниковые факелы и побежали к прорубям, время от времени с силою бросая на лёд колотушки. Испуганная светом и шумом, рыба бросилась вперёд как шальная и запуталась в сетях. Улов был удачный:

поймали морского тайменя, трёх малым, четырёх кунж и одиннадцать краснопёрок.

Удэхейцы снова опустили сети в проруби и погнали рыбу с другой стороны, потом перешли на озерко, оттуда в протоку, на реку и опять в заводь.

Часов в десять вечера мы окончили ловлю. Одни отправились домой, другие остались ночевать на рыбалке. Остался и удэхеец Логада, знакомый мне ещё с прошлого года.

Ночь была морозная и ветреная. Даже у огня холод давал себя чувствовать. Около полуночи я хватился Логады и спросил, где он. Один из его товарищей ответил, что Логада спит снаружи. Я оделся и вышел из балагана. Было темно; холодным ветром, как ножом, резало лицо. Я походил немного по реке и возвратился, сказав, что нигде костра не видел. На это удэхейцы ответили мне, что Логада обычно спит без огня.

— Как — без огня? — спросил я с изумлением.

— Так, — ответили они равнодушно.

Опасаясь, чтобы с Логадой что-нибудь не случилось, я зажёл свой маленький фонарик и пошёл его искать. Два удэхейца вызвались провожать меня. Под берегом, шагах в десяти от балагана, мы нашли Логаду спящим на охапке сухой травы.

Он был в куртке и в штанах из выделанной изюбриной кожи; голову он укрыл белым капюшоном. Волосы на голове у него заиндевели, спина покрылась белым налётом. Я стал усиленно трясти его за плечо. Он поднялся, и хотя снял с ресниц иней, видно было, что он не озяб; не дрожал и не подёргивал плечами.

— Тебе не холодно? — спросил я его с удивлением.

— Нет, — отвечал он. — А что случилось?

Удэхейцы сказали ему, что я беспокоился о нём и долго искал его в темноте. Логада ответил, что в балагане людно и тесно и потому он решил спать на воле. Затем он поплотнее завернулся в свою куртку, лёг на траву и снова уснул.

Удивленный этим, я вернулся в балаган.

— Ничего, капитан, — сказал мне мой проводник. — Наши люди холода не боятся. Его постоянно сопка живи, соболя гоняй. Где застанет ночь — там и спи. Его постоянно спину на месяце греет.

Когда рассвело, удэхейцы опять пошли ловить рыбу.

Теперь они применили другой способ. Над прорубью была поставлена небольшая кожаная палатка, со всех сторон закрытая от света. Солнечные лучи проникали под лёд и освещали дно реки. Ясно, отчётливо были видны галька, ракушки, песок и водо-

Таких палаток было поставлено четыре, вплотную друг к другу. В каждой палатке осталось по человеку; все другие рыболовы пошли в разные стороны и стали тихонько гнать рыбу. Когда она подходила близко к проруби, охотники, сидевшие в палатках, кололи её острогами.

Охота эта была ещё добычливее, чем предыдущая. За ночь и за день удэхейцы поймали двадцать два тайменя, сто тридцать шесть кунж, двести сорок морских форелей и очень много краснопёрки.

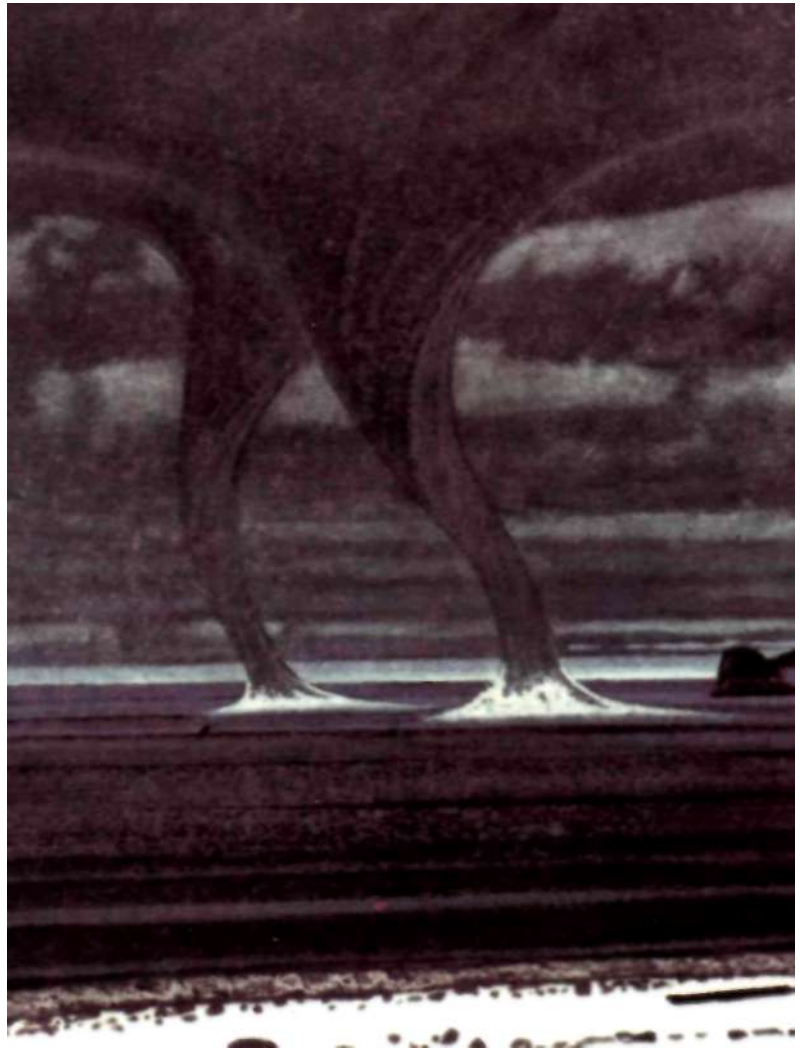
СМЕРЧ НА МОРЕ

После недавней бури в природе воцарилась полная тишина, хотя небо было покрыто тучами. Лохматые тучи стояли над землёю так низко, что все сопки казались срезанными под один уровень. Свежевыпавший снег толстым слоем прикрыл юрты, опрокинутые вверх дном лодки, камни, валежник на земле, пни, оставшиеся от недавно порубленных деревьев. Однако этот белоснежный убор не придавал окрестности весёлого и праздничного вида. В тёмном небе, в посиневшем воздухе, в хмурых горах и чёрной, как дёготь, воде чувствовалось напряжение, которое чем-то должно было разрядиться.

Я взял лодку и переехал на другую сторону реки Улики. Перейдя через рошу, я вышел к намывной полосе прибоя.

На море был штиль. Трудно даже представить себе море в таком спокойном состоянии: ни малейшего всплеска у берега, ни малейшей ряби на поверхности. Большой мыс Лессепс-Датта, выдвинувшийся с северной стороны в море, с высоты птичьего полёта должен был казаться громадным белым лоскутом на тёмном фоне воды, а в профиль его можно было принять за чудовище, которое наполовину

погрузилось в море и замерло, словно прислушиваясь к чему-то. И море и суша были безмолвны, безжизненны и пустынно. Белохвостые орланы, чёрные кармораны, пёстрые каменушки и белые чайки — все куда-то спрятались и притаились.

Я пошёл вдоль берега навстречу своему спутнику.

— Куда вы торопитесь?— спросил я его.

— Пароход идёт,— сказал он, указывая рукой на море.

Я оглянулся и увидел столб дыма, поднимающийся из-за мыса.

Сначала я тоже подумал, что это дым парохода, но мне показалось странным, что судно держится так близко к берегу, да, кроме того, пароходу и незачем заходить на этот мыс.

Потом меня удивило вращательное движение дыма, быстрота, с которой он двигался, и раскачивание его из стороны в сторону. Тёмный дымовой столб порой изгибался — то делался тоньше, то становился толще; иногда его разрывало на части, которые соединялись вновь.

Я терялся в догадках и не мог объяснить себе это необычайное явление. Когда же столб дыма вышел из-за мыса на открытое пространство, я сразу понял, что вижу перед собой смерч. В основании его вода пенилась, точно в котле. Вихрь подхватывал её и уносил ввысь, а сверху в виде качающейся воронки спускалось тёмное облако.

Из-за мыса смерч вышел тонкой струйкой, но скоро принял большие размеры. И по мере того как он увеличивался, он всё быстрее вращался, ускоряя движение на северо-восток. Через несколько минут он принял поистине гигантские размеры и вдруг разделился на два смерча, двигавшихся в одном направлении — к острову Сахалин.

Спустя некоторое время они снова стали сходить. Тогда небо между ними выгнулось, а вода вздулась большим пузырьём. Ещё мгновение — и смерчи столкнулись. Можно было подумать, что в этом месте взорвалась громадная мина. В море поднялось сильное волнение, тучи разорвались и повисли клочьями, и на месте смерчей во множестве появились вертикальные полосы, похожие на ливень. Затем они стали блёкнуть. И нельзя было решить, что это — дождь или град падает в воду. Потом в море появилась какая-то мгла, заслонившая полосы, оставшиеся от смерчей.

Тучи, до этого времени неподвижно лежавшие на небе, вдруг пришли в движение. Тёмно-серые, с разлохмаченными краями, словно грязная вата, они двигались вразброд, сталкивались и поглощали друг друга. Ветер, появившийся в высших слоях атмосферы, скоро спустился на землю, сначала небольшой, потом всё сильнее и сильнее. Небо стало быстро очищаться.

Сделав необходимые записи в дневнике, я отправился к старшине Антону Сагды.

У него я застал несколько человек орочей и стал их расспрашивать о смерчах. Они сказали мне, что маленькие смерчи в здешних местах бывают осенью, но большие, вроде того, который я наблюдал сегодня, появляются чрезвычайно редко.

Старшина рассказал мне, что однажды, когда он был ещё молодым человеком, он в лодке с тремя другими орочами попал в такой смерч. Смерч подхватил лодку, завертел её, поднял на воздух и затем снова бросил на воду. Лодка раскололась, но люди не погибли. Помощь оказали другие лодки, находившиеся поблизости.

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

Я сидел на большой базальтовой глыбе в лесу около моря. Было уже поздно. Возшла луна. Кругом было тихо. Ни малейшего движения в воздухе, ни единого облачка на небе. Листва на деревьях, мох на ветвях старых елей, сухая трава и паутина, унизанная каплями вечерней росы,— всё было так неподвижно, как в сказке о спящей царевне.

Ещё не успевшая остыть от дневного зноя, земля излучала тепло, и от этого было немного душно. Я вдыхал тёплый ночной воздух, напоённый ароматом смолистых хвойных деревьев.

Какой-то жук с размаху больно ударил меня в лицо и упал на землю. Слышно было, как он шевелится в траве, стараясь выбраться на чистое место. Это ему удалось: он с гуденьем поднялся в воздух и полетел куда-то в сторону. Я встал и пошёл своей дорогой.

Скоро сплошной лес кончился, и я вышел на пригорок. Передо мной расстилался пологий скат, покрытый редколесьем, кустарниками и высокой травой.

Я увидел впереди себя какой-то странный свет. Кто-то навстречу шёл с фонарём. «Вот чудак! — подумал я. — В такую светлую ночь идёт с огнем».

Через несколько шагов я увидел, что фонарь был круглый и матовый. «Вот диво! — снова подумал я. — Кому это могло взбрести на ум при свете луны идти по тайге с бумажным фонарём?»

В это время я заметил, что фонарь светится довольно высоко над землёй, значительно выше человеческого роста. «Ещё недоставало! — сказал я почти вслух. — Кто-то несёт фонарь на палке».

Странный свет приближался. Так как местность была неровная и тропа то поднималась, то опускалась в выбоину, фонарь, согласуясь с движениями таинственного пешехода, тоже то приближался к земле, то поднимался. Я остановился и стал прислушиваться.

Но тишина была полная: ни шума шагов, ни покашливания — ничего не было слышно. Я умышленно громко кашлянул, стал напевать какую-то мелодию, снова прислушался. Тишина... Тогда я громко спросил, кто идёт. Мне никто не ответил. И вдруг я увидел, что фонарь движется не по тропе, а в стороне, влево от меня, над кустарниковой зарослью.

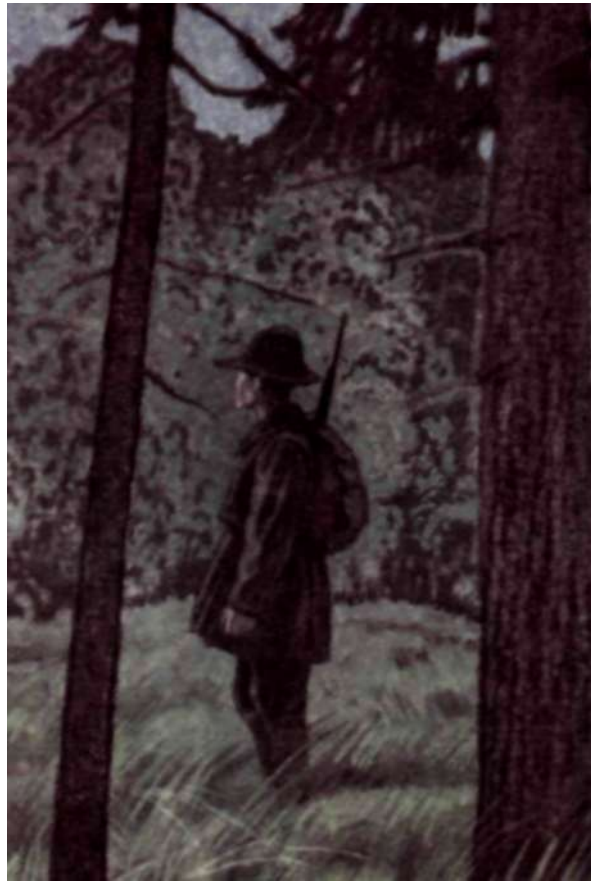
Это был какой-то светящийся шар величиной в два кулака, матово-белого цвета. Он медленно плыл по воздуху, то опускаясь там, где были на земле углубления и растительность была ниже, то поднимаясь кверху там, где повышалась почва и рос кустарник. Однако было заметно, что шар всячески избегает соприкосновения с ветвями деревьев, старательно обходит каждый сучок, каждую веточку и былинку.

Стало страшно: я не мог понять, что это такое.

Когда светящийся шар поравнялся со мной и был от меня шагах в десяти, не более, я мог хорошо его рассмотреть. Раза два его внешняя оболочка как бы лопалась, и тогда внутри него становился виден яркий бело-синий свет. Листья, трава и ветки деревьев, мимо которых близко проходил шар, тускло освещались его бледным светом и шевелились. От шара тянулся тонкий, как нить, огненный хвостик, который по временам в разных местах давал мельчайшие вспышки.

Я понял наконец, что передо мной шаровая молния. Должно быть, каждая из травинок была заряжена тем же электричеством, что и молниеносный шар. Вот почему он избегал с ними соприкасаться.

Я хотел было стрелять в него, но побоялся. Выстрел всколыхнул бы воздух, который увлёк бы за собой шаровую молнию. От соприкосновения с каким-либо предметом она могла беззвучно исчезнуть, но могла и разорваться. Я стоял как прикованный и не смел шевель-

нуться. Светящийся шар неуклонно двигался всё в одном направлении. Он наискось пересёк мою тропу и стал взбираться на пригорок. По пути он поднялся довольно высоко и прошёл над кустом, потом стал опускаться к земле и вслед за тем скрылся за возвышенностью. Странное чувство овладело мною: мне было и страшно и любопытно. Я быстро пошёл назад, взбежал на пригорок. Шаровая молния пропала. Долго я искал её глазами и нигде не мог найти. Она словно в воду канула.

ПТИЧИЙ БАЗАР

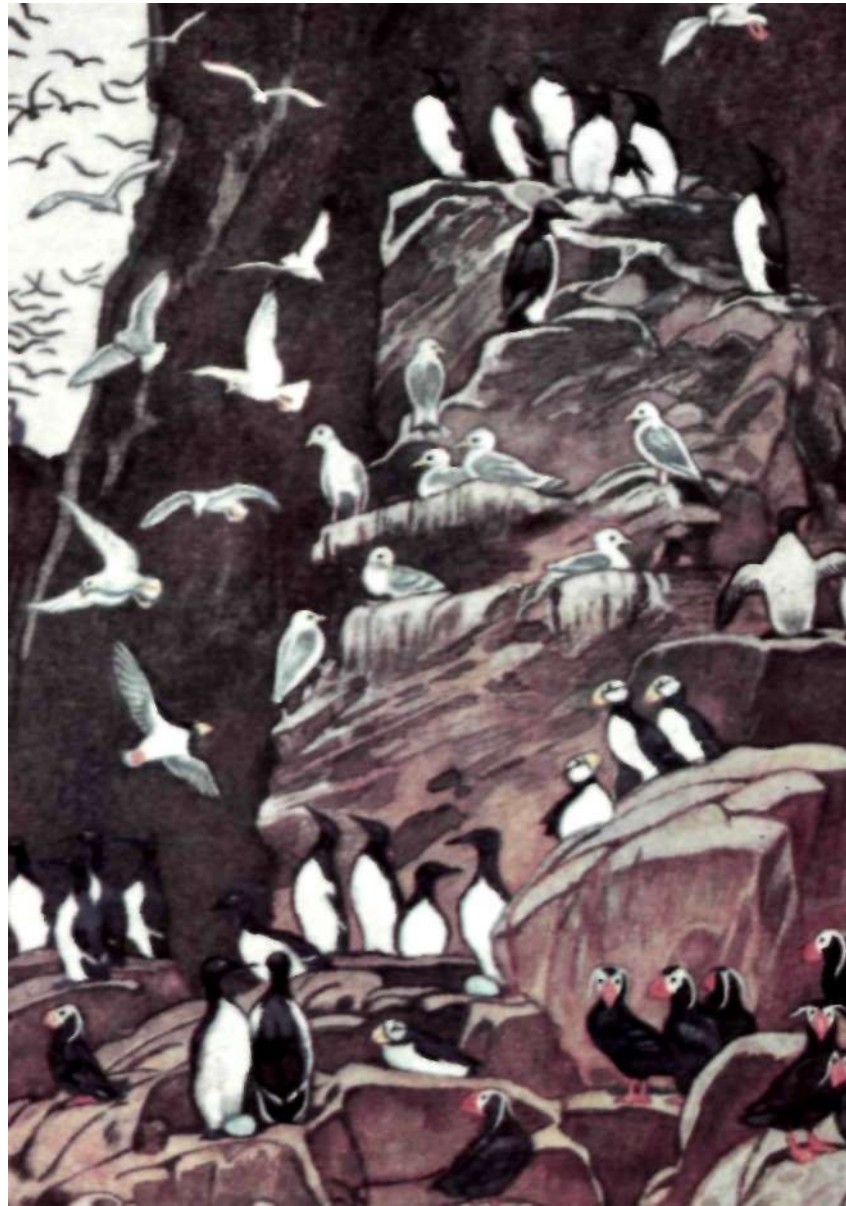
ыплыли на лодке вдоль берега моря. Высокая скала преградила нам путь, и лодке пришлось объехать её. Во многих местах скала выветрилась и обвалилась в море.

По всему обрыву, от верха до самой воды, образовались карнизы. Одни из них были длинные и узкие, другие, наоборот, короткие и широкие. Местами над морем нависли большие плоские глыбы, которые каким-то чудом держались на весу.

В одном месте вывалился целый пласт, и образовалась длинная галерея, замкнутая с трёх сторон и открытая только с моря. И все эти карнизы, все трещины, все углубления были заняты бесчисленным множеством птиц.

Самые нижние карнизы занимали кармораны. Несмотря на свой мрачный характер, они любят гнездиться большими обществами. Как на выставке, сидели они чинно в ряд и с беспокойством поглядывали на наши лодки. На белом от птичьего помёта карнизе они резко выделялись своим чёрным цветом.

Тут же, по соседству, небольшими группами, вытянувшись в линию, точно солдаты, сидели малые бакланы, оперение которых ярко отливало сине-зелёным металлическим блеском. Если бы они не поворачивали голов, чтобы проводить нас глазами, их можно было бы принять за чучела, выставленные напоказ.

Трещины и углубления в камнях были заняты топорками — странными птицами величиной с утку, с тёмной общей окраской, белесоватой головой и уродливыми оранжево-зелёными клювами, за которые они получили название морских попугаев.

Большие чайки сидели вперемешку с клушами и не ссорились между собой; только некоторые из них, переминаясь с ноги на ногу, порой сталкивали друг друга со скалы. Тогда упавшая птица отлетала немного, но старалась тотчас же вернуться на прежнее место или сесть рядом.

Но больше всего на птичьем базаре было кайр, относящихся к семейству чистиков. Их было бесчисленное множество: каждый выступ, каждое углубление, каждая пядь карниза, где хоть как-нибудь можно было примоститься для высидивания яиц, — всё было занято этими остроклювыми птицами с тёмно-серо-бурым оперением.

Мы проходили очень близко к скале, но все птицы сидели крепко и не хотели покидать своих мест. Только некоторые бакланы слетали, но, видя, что никто не следует их примеру, тотчас возвращались обратно.

Миновав утёс, мы свернули в небольшую бухточку и, как всегда, стали биваком на намывной полосе прибоя, где было достаточно плавника, высушенного солнцем и ветрами.

На другой день была назначена днёвка. Я решил воспользоваться свободным временем и посетить птичий базар.

Со стороны суши подойти к нему было нетрудно: некоторые карнизы загибались в долинку и были вполне доступны. Я взобрался по ним, как по лестнице, иногда опираясь на колено и хватаясь руками за выступы скалы.

Здесь так много было кайр, что я должен был двигаться с большой осторожностью, чтобы не задевать их ногами. Как-то странно было видеть возле себя птиц, которые не выказывали ни малейшего беспокойства и не делали никаких попыток улететь или отодвинуться в сторону. Даже когда я протягивал руку, чтобы дотронуться до птиц, они только оборонялись клювами, не поднимаясь с места. Кайры сидели на земле сплошной массой, и все были обращены головами к морю. Они высидивали яйца, причём гнезда их были устроены прямо на камнях, без всякого укрытия сверху.

В это время справа от меня я увидел ворону, потом ещё двух, они садились на свободные камни, быстро осматривались по сторонам и перелетали с места на место. Я заметил, что вороны всё время следовали за мной по пятам. Сначала я не обращал на них внимания, но потом это стало меня раздражать. Я никак не мог понять, что им от меня нужно. Раза два я бросал в них камнями.

Хитрые птицы караулили мои движения, и только я нагибался

за камнем или замахивался на них рукой, как они поднимались в воздух, но тотчас опять садились по соседству.

Так, пробираясь по карнизам, я скоро попал в самую гущу кайр. Очень часто мне приходилось ставить ногу совсем вплотную к какой-нибудь птице, и лишь тогда она откидывала немного голову назад и с недоумением рассматривала большой и незнакомый ей предмет. Я нагнулся, взял одну кайру в руки и поднял её кверху. Тотчас откуда-то сбоку появилась ворона. В мгновение ока она схватила единственное в гнезде яйцо и полетела вдоль террасы.

Теперь я наконец понял, почему так настойчиво следовали за мной чёрные пернатые воровки. Они отлично знали, что сопровождая человека по птичьему базару, легко можно полакомиться яйцами, надо только не отставать.

Поступок вороны так возмутил меня, что я выпустил из рук кайру и снял с плеча ружьё. Я выстрелил в ту ворону, которая с яйцом в клюве только что уселась на краю соседней террасы. Звук выстрела подхватило гулкое эхо. Тысячи птиц с криками поднялись на воздух. Они буквально затмили солнце. В это время другая ворона тоже украла чьё-то яйцо. Она расколола его своим сильным клювом. Из яйца вывалился почти насиженный, совершенно голый цыпленок. Ворона разорвала его и съела, потом схватила второе яйцо и улетела прочь.

Мало-помалу бакланы, топорки, каменушки, чайки и кайры стали возвращаться на свои места. Тогда я решил не тревожить их больше, спустился по карнизу и пошёл к биваку.

На фоне светлого неба темнел птичий утёс, где собрались тысячи пернатых, чтобы вывести птенцов, научить их плавать, летать, добывать себе пищу. Эти птенцы, когда вырастут, на этом же самом месте будут выводить своё потомство. Кто знает, скольким поколениям эта скала уже дала приют и сколько ещё поколений будут считать её своей родиной...

На другой день один казак отправился на птичий базар. Ему не верилось, что птицы не улетают с гнёзд даже тогда, когда их трогают руками. Часа через полтора казак вернулся и рассказал, что ночью птичий базар посетил медведь. Казак нашёл его следы, много разорённых гнёзд и раздавленных яиц, которыми лакомился косолапый.

МЫС СЮРКУМ

едалеко от бухты Аука берег моря делает изгиб к северо-востоку. Высокий, скалистый и обрывистый берег тянется на сорок восемь километров. У подножия его нет намывной полосы прибоя, прибрежные скалы отвесно обрываются прямо в море. На всём протяжении от бухты Аука до самого мыса Сюркум нигде нет места, где бы могла пристать лодка и найти защиту от непогоды.

Ещё раньше старик ороч Иван Михайлович Бизанка говорил мне, что около мыса Сюркум надо быть весьма осторожным и что для плавания там нужно выбирать тихую погоду. Такой же наказ дважды давали старики селения Дата сопровождавшим меня проводникам. Поэтому они всё время поглядывали на море, смотрели на небо и по движению облаков старались угадать погоду.

Последние дни море было удивительно спокойное. Если бы оно не вздыхало неуловимой для глаза, но ощутимой в лодке широкой зыбью, его можно было бы принять за тяжёлый расплавленный металл, застывший и отшлифованный, уходящий в синеющую даль, где столпились белые кучевые облака с закруглёнными краями. Солнце, отражённое в гладкой поверхности воды, слепило глаза.

Такая тишь смущала орочей. Она казалась им предательской. Однако на третий день орочи объявили, что можно ехать. Минут через двадцать мы уже плыли вдоль берега.

На неподвижной и гладкой поверхности моря не было ни малейшей ряби. Солнце щедро посылало свои лучи, чтобы согреть и осушить намокшую от недавних дождей землю и пробудить к жизни всё, что растёт на ней: от могучего тополя до ничтожной былинки.

Около полудня наши лодки отошли от бухты Аука километров на шесть. В это время сидевший на вёслах ороч Копинка что-то сказал Намуке, стоявшему у руля. Тот быстро обернулся. Копинка перестал грести и спросил своего товарища, не лучше ли возвратиться, пока есть время.

Я оглянулся и увидел сзади, там, где небо соприкасалось с морем, тёмную полосу, протянувшуюся по всему горизонту. Эта полоска предвещала ветер. Полагая, что это будет небольшой местный ветерок, Намука подал знак плыть дальше.

Минут через десять полоска на горизонте расширилась и потемнела. Одновременно другая такая же полоска появилась справа от нас. Орочи стали совещаться и хотели плыть обратно, держась как можно ближе к берегу. Но в это время тёмная полоса придвинулась к нам вплотную. Внезапно подул сильный ветер, и море сразу запенилось и зашумело. Опасаясь, что мы не выгребем против ветра, орочи решили идти дальше, к Сюркуму, и стали ставить парус.

Это было полотнище палатки, привязанное за углы к двум шестам, поставленным крест-накрест. К другим двум углам привязали верёвки, концы которых должны быть в руках у рулевого.

Копинка взялся управлять парусом, я сел за весла, а Намука остался на руле. Под парусом наша лодка пошла быстрее. Тучи быстро сгущались. Кое-где у берега появились клочья тумана. Начал моросить дождь.

Волны подгоняли нашу уютную ладью, накрывая её то на один, то на другой бок. Она то бросалась вперёд, то грузно спускалась с волны и зарывалась носом в воду. Чем сильнее дул ветер, тем быстрее бежала наша лодка, но вместе с тем всё труднее становилось плавание.

Тяжело загружённая лодка глубоко сидела в воде, и волны захлестывали её с боков. Время от времени мы откачивали воду берестяным ковшом, который орочи захватили с собой. Напрасно мы осматривали берег в надежде найти хоть какое-нибудь укрытие от непогоды. Угрюмые высокие скалы совершенно отвесно падали в воду. Волны с яростью ударялись о них и белыми фонтанами взлетали кверху. Пристать к берегу было невозможно, о возвращении

назад нечего было и думать. Нам оставалось только одно — идти по ветру и напрячь все усилия, чтобы как можно скорее обогнуть мыс Сюркум и войти в бухту. Никто не сидел сложа руки: одни гребли, другие откачивали воду. В ход были пущены оба чайника и котёл.

Так продержались мы часа два. Наконец стало ясно, что благополучно дойти до мыса Сюркум нам не удастся: ветер очень зашел, волны с неумолимой настойчивостью нагоняли лодку и заливали её корму. Теперь всё зависело от рулевого. Намука с тревогой следил за лодкой, а Копинка не спускал глаз с паруса, то подтягивая один конец, то отдавая другой.

«Неужели мы так и не найдём на берегу ни одного залива, который дал бы нам хоть временное укрытие?»—думал я, со страхом и тоской всматриваясь в высокие скалы.

Вдруг Намука привстал и, внимательно разглядывая берег, стал советоваться с Копинкой. По отрывкам их разговора я понял, что они нашли место, где можно укрыться. Копинка кивнул головой. Намука навалился на руль — и лодка стала приближаться к берегу. Здесь море шумело ещё сильнее. Шум прибоя был так оглушитель, что мы не слышали друг друга и объяснялись знаками. Мы вступили в водоворот пены, всплесков и брызг.

От скалистого берега выдвигалась в море гигантская базальтовая жила.

Парус был спущен в одно мгновение. Несколько ударов весла — и лодка укрылась за базальтовой стеной. Мы попали в относительно спокойный водоём. В самой середине нашего укрытия поднимался из воды большой плоский камень. Поверхность его была покрыта бурыми водорослями и раковинами.

Намука подвёл лодку к камню, и мы вылезли на него. Все сразу повеселели. Стрелки стали откачивать воду, а я с орочами принялся осматривать берег. Наше укрытие было ловушкой, из которой можно выбраться только по воде. Вокруг нас высились гигантские утёсы, круто, а местами отвесно обрывающиеся в море. Всё наше спасение заключалось в лодке, и прежде всего надо было позаботиться о ней.

Между тем буря разыгралась не на шутку. Волны с грохотом таранили стену, но она стойко выдерживала натиск моря. Ветром перебрасывало через неё брызги. Волны пенились, дробились и, ослабленные, с урчаньем заходили за базальтовую стенку, выплёскиваясь на камни, к которым была привязана лодка. Опасаясь за участь наших грузов, я велел перевести лодку в самую глубь бухточки.

Когда вода из лодки была выкачана, мы перебрали всё наше имущество и уложили его получше, прикрыв сверху брезентом и обвязав покрепче верёвками. Затем мы закусили, оделись потеплее

и сели на свои места в лодке, в ожидании, когда ветер стихнет и море хоть немного успокоится.

Однако буря усиливалась и к вечеру превратилась в настоящий шторм.

В сумерки орочи сделали открытие, сильно встревожившее нас. Начался прилив, а во время прилива вода здесь поднимается до двух метров. Несомненно, плоский камень, за которым мы стояли, будет затоплен. Это бы ещё ничего, но беда в том, что ветер переменял направление и погнал волны как раз в угол, где мы укрылись. Волны прилива начали бить лодку о камни.

Стало ясно, что, если мы сейчас же не выйдем в море, потом будет поздно. Это понимал каждый из нас. Медлить было нельзя. Словно сговорившись, мы взяли за вёсла. В это время в бухточку вошла большая волна и окатила плоский камень. Орочи воспользовались временным затишьем и вывели лодку за стенку. Новая волна подхватила лодку, как перышко, и на гребне вынесла за буруны. Ветер хлестнул по лицу холодной изморосью. Лодка сильно накренилась: прошла вторая большая волна, потом третья...

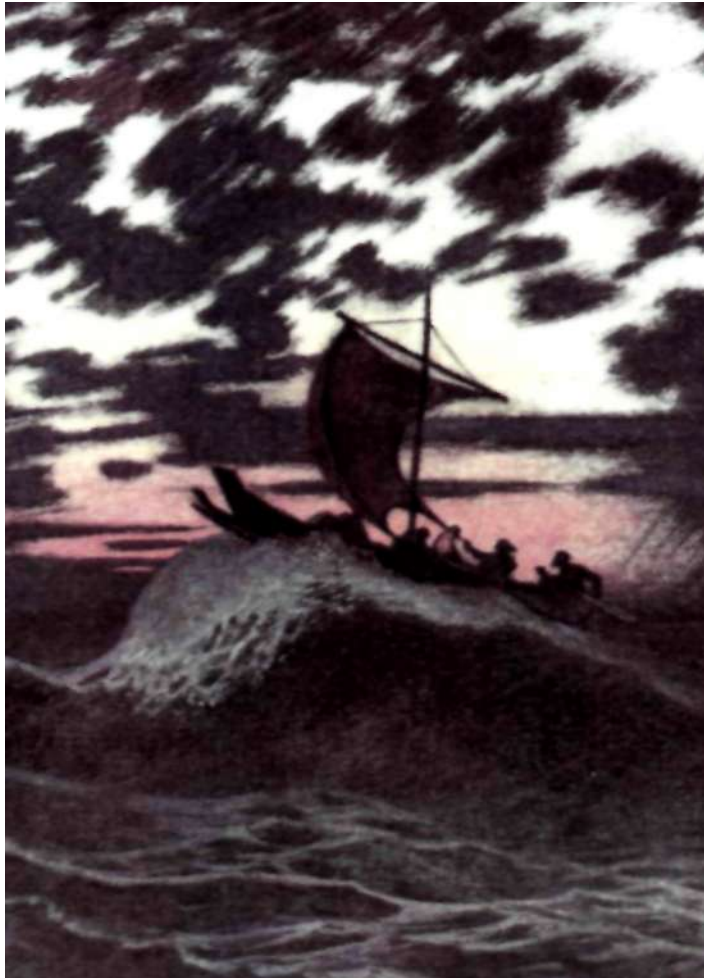
Буруны остались позади. Орочи быстро подняли парус. Словно раненая птица, увлекаемая сильным ветром, помчалась наша лодка вдоль берега.

Сумерки быстро спускались на землю. В море творилось что-то невероятное. Не было видно, где кончается вода и где начинается небо. Страшные волны вздымались спереди и сзади. Они налетали внезапно и так же внезапно исчезали, на их месте появлялась глубокая впадина, и тогда казалось, будто лодка катится в пропасть. Несмотря на то что мы усиленно откачивали воду, вода в лодке не убывала. Скоро одежда наша промокла насквозь. Я был в каком-то забытьи. Порой сквозь завывания ветра и зловещий шум волн я слышал, как у моего соседа стучали зубы. Меня самого трясло, как в лихорадке.

Изредка сквозь прорыв в тумане впереди виднелась какая-то большая тёмная масса. Она казалась громадным чудовищем, которое залезло в море и, погрузившись по подбородок в воду, надулось и вот-вот издаст страшный рёв. Это был мыс Сюркум. Если нам удастся обогнуть его, мы спасены.

Но до этого желанного мыса было ещё далеко. Ночь уже опускалась на землю, и обезумевший океан погружался в глубокий мрак. Люди впали в какую-то апатию, и это было хуже, чем усталость, — это было полное безразличие, полное равнодушие к своей участи. Беда, если в такую минуту у человека появится убеждение, что он погиб, — тогда он погиб окончательно.

Я сознавал, что надо как-нибудь подбодрить людей. Стрелки и ка-

заки сидели на вёслах лицом к корме. Я воспользовался этим и, собрав все силы, крикнул:

— Братцы, самое страшное осталось позади! Мыс Сюркум совсем недалеко. Навались!

Сделав весёлое лицо, я снял фуражку и замахал ею. Это подействовало. Мои спутники стали грести энергичнее. Лодка пошла быстрее. Точно маленькая щепочка, металась она среди яростных волн. Я машинально откачивал воду из лодки.

— Господи, только бы нам дойти до мыса! — услышал я шёпот позади себя.

— Сюркум далеко нету, — вдруг сказал Намука.

Слова Намуки всех подбодрили, потому что это была правда.

В то же мгновение огромная волна нагнала лодку и залила её почти до половины.

— Скоро качай! — крикнул неистово Копинка.

Этот окрик заставил людей ещё раз встряхнуться. Они стали грести сильнее и с удвоенной энергией принялись откачивать воду.

Вот и мыс недалеко, вот мы с ним и поравнялись. Но тут нам предстояло ещё одно страшное испытание. Мыс выдвигался далеко в море; ветром здесь развило очень большое волнение. Это было самое опасное место. Оставались какие-нибудь минуты, но за эти минуты можно было потерять рассудок. Вдруг громадная волна с белой гривой сразу выросла сбоку. Как щепку, взметнуло нашу лодку вверх — и мы стремглав полетели вниз.

— Держись! — крикнул Намука.

И лодка опять наполнилась водой.

— Надо качать, надо качать! — крикнул я своим спутникам. — Иначе мы погибли!

Гребцы, сидевшие поблизости от меня, оставили вёсла и тоже принялись откачивать воду. Я опустился на дно лодки прямо на колени и быстро работал котлом. Я не замечал усталости, холода, боли в спине, работал лихорадочно, боясь потерять хотя бы одну минуту.

— Ая ла бы! (Очень хорошо!) — услышал я голос Копинки.

Лодка неслась по поверхности моря. Волнение стало слабее — мы обогнули мыс и вошли в бухту. Минут десять мы плыли под парусом и работали вёслами. Хотя ветер дул с прежней силой и шёл мелкий, частый дождь, здесь нам казалось хорошо. Сзади слышался грозный рёв морского прибоя.

Вдруг слева от нас вынырнула из темноты какая-то большая тёмная масса, что-то пронеслось над нашими головами и сбило парус.

— Что такое? — слышалось несколько голосов.

Намука удержал лодку и стал осторожно подходить к неведомому предмету. Это оказалась шхуна. Я приказал зажечь фонарь. Неровный, трепетный луч осветил судно, лежащее на боку и наполовину затопленное. Одна мачта шхуны была сломана, другая цела. Она-то и сбила наш парус. Обрывки снастей валялись на палубе, свешивались в воду. Мы обошли шхуну кругом. На мачте сидела большая крыса. Она попыталась спрыгнуть в нашу лодку, но промахнулась и упала в воду.

Мы поплыли дальше и не успели сделать десяти ударов вёслами, как подошли к песчаной косе.

Два стрелка вылезли из лодки через борт и пошли прямо по воде; они подтащили лодку на руках, отчего вся вода в ней сбегала на корму.

Люди пошли по берегу, стали собирать дрова. Мелькнул огонёк: кто-то зажёт спичку, но ветром её сразу задуло. Задуло вторую и третью. Топливо долго не разгоралось. Я разыскал свою походную сумку и подал на берег два обломка целлулоидной гребёнки, захваченных из города нарочно для такого случая.

Скоро на берегу пылал большой костёр.

Люди разгружали лодку, сушили одежду и грелись у огня. Лица их были серьёзны. Каждый понимал, что мы только что избегли смертельной опасности, и всем было не до шуток.

Моряки с погибшей шхуны, очертания которой смутно виднелись недалеко от берега, были менее счастливы... Что случилось с ними?

Я лёг около костра, но, несмотря на усталость, не мог уснуть. Моим спутникам тоже не спалось. Всю ночь мы лежали у огня, дремали и слушали, как бушевало море.

В ТУНДРЕ

путешествиях по тундре моим проводником был эвенк Гавриил Попов. На реке Урми он выстроил себе маленький домик только для того, чтобы держать в нём своё походное снаряжение и кое-какое имущество. Мой приятель давно потерял оленей. Он занимался теперь охотой, немного рыбачил, но мечтал вновь, как он сам выражался, «завести рогатых коней»

Хотя Попов и сделался как бы оседлым, но, по дедовским обычаям, постоянно передвигался с места на место: где с попутчиком на лошадях, где на собаках, а где и просто пешком.

Однажды, когда разговор коснулся невзгод кочевого быта, он сказал мне:

— Как это вы можете жить в городе, столько лет на одном месте? Я не выдержал бы и года.

Спокойный, как будто даже равнодушный ко всему, человек это! преображался, когда видел свежий след зверя. Тогда он становился деятельным и энергичным. В эти минуты он забывал всё: голод, усталость — и способен был переносить всякие лишения.

Судьба столкнула меня с ним случайно. В тот год я намеревался проникнуть в горную область Ян-дэ-янге. В последнем нанайском селении, Колдок, мне рекомендовали Попова как хорошего охот-

ника и переводчика. Он был грамотен и свободно говорил по-русски. Я пригласил его — и не раскаялся.

В начале января мы выступили из якутского посёлка Талакана на пятидесяти пяти оленях и пошли на восток. На шестые сутки мы достигли хребта Быгин-Быгинен и, перейдя его, направились к горам Ян-дэ-янге.

Производя маршрутную съёмку, я часто останавливался, для того чтобы отметить повороты нашего пути и записать пройденное расстояние. Северные олени идут очень быстро; ни кочковатые болота, ни густые заросли в лесу для них не препятствие. Просто удивительно, как эти странные животные перебираются через заломы, занесённые снегом, где лошади непременно поломали бы ноги.

Чтобы не задерживать отряд, я велел эвенкам не дожидаться меня, но условился с ними, что около полудня на месте большого привала они оставят мне кое-что поесть. Заблудиться я не мог: двести двадцать оленьих ног протоптали в снегу хорошую дорогу. Эвенки сказали, что по ту сторону водораздела они знают место, где есть олений корм, и как только спустятся с перевала, тотчас станут биваком.

Очень важно было на ночь останавливаться там, где есть ягель — олений мох. Если корма не будет, олени убегут на старый бивак. Один раз так и случилось. Мы гнались за оленями целых шестьдесят километров и потеряли два дня.

Я приготовил планшет и тронулся следом за отрядом. Некоторое время между деревьями виднелись серые силуэты оленей и слышались голоса людей, а затем всё стихло. Я шёл на лыжах рядом с дорогой, протоптанную оленями.

С бивака хребет Ян-дэ-янге казался ближе, чем он был на самом деле. Я думал, что к полудню дойду до перевала. Не тут-то было! Через три часа пути он был от меня ещё далеко и по-прежнему величественно вздымал кверху свои снежно-белые вершины, озарённые яркими лучами полуденного солнца.

Как раз к этому времени я вышел на небольшую полянку, истоптанную и людьми и животными. В стороне, под елью, дымился ещё не успевший потухнуть костёр. Здесь был привал. Тут же поблизости в один из сугробов была воткнута палка с привязанным к ней пучком голых веток, а около неё на снегу лежали кусок сырого медвежьего сала и два сухаря. Я сел на первую попавшуюся валежину, с аппетитом позавтракал, потом, за неимением чая, утолил жажду снегом и пошёл дальше.

Юго-западные склоны Ян-дэ-янге, издали казавшиеся голыми, на самом деле были покрыты редким березняком, кое-где из-под снега виднелись какие-то кустарники.

Только к четырём часам пополудни я добрался до той части хребта, которая круто поднимается кверху и, по существу, составляет его гребень. Подъем в гору был настолько утомителен, что принудил меня несколько раз останавливаться и отдыхать.

Самый перевал представлял собой седловину между сопками. Когда я достиг его, солнце уже совсем склонилось к горизонту. Позади на необозримое пространство расстилалась тундра, казавшаяся сверху большим белым диском, «без меры в длину, без конца в ширину», и уходившая за горизонт. Небесный свод, расцвеченный лучами заходящего солнца в пурпуровые, оранжевые и золотисто-жёлтые тона, как бы опирался на её края и казался громадным хрустальным сосудом, повисшим над землей. День угасал... Снега, покрывавшие склоны Ян-дэ-янге, окрасились в розоватые и нежно-фиолетовые цвета. Я любовался развернувшейся передо мной картиной и не особенно торопился, полагая, что буду на биваке ещё до наступления сумерек.

Когда солнце совсем скрылось за горизонтом и красивая окраска снегов потускнела, я начал спускаться с хребта Ян-дэ-янге. За перевалом сразу начинался хвойный лес. Я прошел один километр, другой, третий, а бивака всё не было. Приглядываясь к следам, я заметил, что местами олени бежали рысцой, — значит эвенки подгоняли их и торопились.

Тайга чем дальше, тем становилась гуще. На открытых местах ещё можно было кое-как рассмотреть следы, но под сенью хвойных деревьев ночная тьма быстро сгущалась, и потому идти становилось всё труднее и труднее. Мои лыжи стали путаться в чаще, — опасаясь сломать их, я должен был уменьшить шаг и бросить съёмку.

В лесу воцарилась тишина, изредка нарушаемая только звонким пощёлкиванием трескающихся от мороза деревьев. Ночь властно вступала в свои права. На потемневшем небе зажглись яркие звёзды. Они как будто знали что-то, касающееся меня, и перемигивались между собой. А я всё шёл и шёл.

Вдруг, к ужасу своему, я увидел, что потерял олений след.

Я поспешно достал спичку и чиркнул ею: чистый, ровный снег лежал впереди меня, справа и слева.

«Вот беда-то! — подумал я. — Неужели я заблудился?»

Кому приходилось бывать зимой в тайге, тот знает, что значит заночевать в лесу без тёплой одежды, без топора и без полотнища палатки, которым можно было бы защитить себя от холода. Я остановился, чтобы передохнуть немного и обдумать своё положение, но мороз тотчас дал себя знать. Надо идти. Но куда? Я наугад пошёл вправо.

Как-то лыжа моя подвернулась, я упал и в это время неожиданно

нащупал рукою утоптаный снег. Я скорее зажёл спичку и при краткой вспышке огня успел рассмотреть оленье следы. Я решил идти как можно осторожнее, нащупывая дорогу ногами, чтобы не сбиться больше с проложенного оленьими следами. Медленно, шаг за шагом, подвигался я вперёд и, когда терял оленью тропу, возвращался назад и, шаря по снегу руками, отыскивал её снова. Так промаялся я до девяти часов вечера и совершенно выбился из сил.

Стало совсем темна. Наконец случилось то, чего я больше всего боялся; я совсем потерял оленье следы. Сколько ни искал я их, сколько ни ползал по снегу, всё было напрасно! Я принялся кричать, но эхо возвращало мои крики обратно.

Измученный до последней степени, я сел, не снимая лыж, на какую-то колодину. Я решил отдохнуть немного, развести небольшой огонь и как-нибудь дотянуть до утра. Не помню, сколько времени просидел я так, не помню, как задремал. Чувство озноба пропало. Откуда-то пахнуло теплом, в ушах зашумело, и послышались какие-то странные, бессмысленные слова.

Вдруг одна мысль, как молния, пронзила мой мозг: «Спать нельзя!» Я напряг все свои силы, рванулся с места, открыл глаза. Кругом было темно, как в могиле. Вверху слышался шорох — то лёгкий ветерок пробегал над лесом и чуть трогал вершины деревьев. Я сильно прозяб: холод уже успел проникнуть под одежду; зубы выбивали непрерывную дробь. Я схватился руками за ствол соседнего дерева и поднялся на ноги.

Первые шаги показались мне невероятно тяжёлыми, потом я разошёлся и тихонько побрёл в ту сторону, где был какой-то просвет. Не успел сделать я и сотни шагов, как вдруг лес кончился и передо мной открылась громадная равнина, озарённая слабым светом мерцающих звёзд. Далеко на другом конце её мелькал огонёк. Сонливое состояние разом исчезло — я почувствовал прилив бодрости, оправил лыжи и пошёл прямо на спасительный маяк.

Было поздно. Созвездие Ориона, стоявшее дотеле низко над горизонтом, уже успело подняться до зенита. Великолепный Сириус блистал всеми цветами радуги. Вдруг яркий метеор бесшумно пронёсся высоко над землёю, оставив за собой длинный угасающий след. Как ни был я измучен, но явление это было столь замечательно, что я долго не мог оторвать глаз от неба, и только холод, знобивший руки, вернул меня снова к действительности.

Шёл я долго и медленно. Наконец стали слышны бубенчики оленей. Ещё немного — и я увидел бивак. У опушки леса стояли две палатки. В стороне горел большой костёр. Тысячи искр поднимались кверху и огненным дождём сыпались обратно в снег. Колеблющиеся языки пламени прыгали по веткам. Неровный свет огня

отражался на сугробах, палатках, стволах деревьев и перекидывался в тундру.

Около костра виднелся силуэт человека. Контур его делались кроваво-красными то с одной, то с другой стороны — в зависимости от того, как освещал человека огонь. Это был Попов.

Собрав последний остаток сил, я дотащился до костра и, не снимая лыж, повалился в снег. Отдышавшись немного, я спросил Попова, как случилось, что эвенки ушли так далеко, вместо того чтобы стать на бивак тотчас за перевалом. Оказалось, что, пройдя Ян-дэ-янге, они попали не в тот ключик, в который хотели. Они заметили свою ошибку тогда, когда уже спустились с хребта. Им не хотелось возвращаться назад, и они решили идти до тех пор, пока не найдут олений мох.

Попов объяснил мне, как эвенки находят пастбища для оленей. Они пускают одного оленя без недоузда. Он раскапывает передней ногой снег и, если есть корм, начинает пастись; если же корма нет, поднимает голову и смотрит по сторонам.

Кормового мха не было — и это заставило эвенков долго идти по тайге, пока они не вышли на тундру. Они знали, что я запоздаю и, вероятно, заночую в лесу. Но с ними это так часто случается, что моему отсутствию они не придали никакого значения и со спокойной душой улеглись спать. Наоборот, они были крайне удивлены, узнав, что я пришёл на бивак и не остался в лесу до рассвета. Однако Попов решил на всякий случай зажечь огонь. Не разложи он костра, я действительно провёл бы мучительную ночь под открытым небом.

Всё хорошо, что хорошо кончается! Я снял лыжи, пробрался в палатку и тотчас уснул.

Весь следующий день эвенки простояли на месте. Двое из них ходили на охоту и принесли двух глухарей и одного рябчика.

Остальные мужчины исправляли сёдла и прочее походное снаряжение, а женщины починяли одежду.

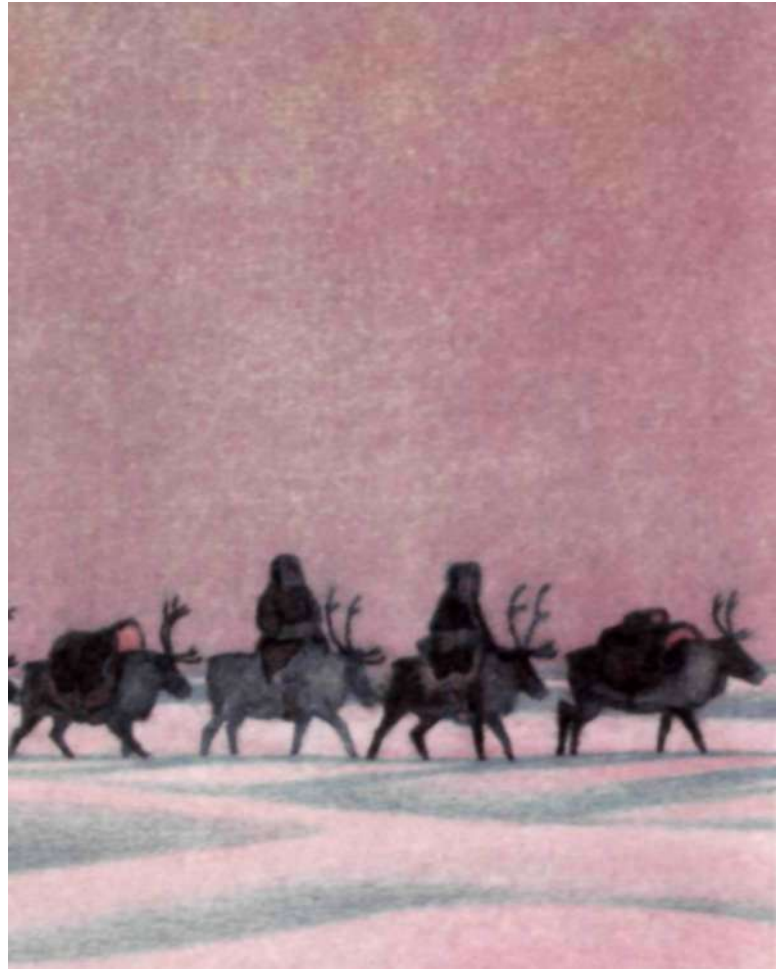
Около полудня я по своим следам вернулся к тому месту, где бросил съёмку, и заснял весь путь до бивака.

На другой день с рассветом было решено двинуться дальше.

Было ещё совсем темно, когда меня разбудили. Я оделся и вышел из палатки. В воздухе была разлита мгла, которую эвенки называли «туманным морозом». Около палаток стояли два оленя с заиндевевшей шерстью. Термометр показывал минус 50 градусов Цельсия.

Часам к шести утра мы снялись с бивака и пошли дальше. Путь наш опять пролегал по тундре.

Ехавший впереди на «седловом» олене эвенк пел, и пение его было так же уныло и однообразно, как однообразна тундра, по

которой он кочевал со своими табунами. Важенки* следовали за ним в порядке, гуськом, и не отставали. Все мужчины и женщины сидели как-то странно, на плечах оленей, свесив ноги вперёд, на грудь животных. Малые дети были завернуты в меха и лежали в особых сёдлах — зыбках, привязанных к вьюкам ремнями.

После вчерашней злополучной ночи Попов решил идти на лыжах вместе со мной. Но только что тронулись мы в путь, как вынуждены были снова остановиться. Один ребёнок расплакался. Мать немного придержала своего оленя и попросила другую женщину подать ей крикуна. Та ловко соскочила на землю, развязала ремни и подала малютку матери. Мать на ходу накормила его грудью, прикрывшись от мороза шубкой. Потом она стала укачивать ребёнка, но он раскапризничался, брыкался и кричал во всё горло.

Тогда она сказала что-то эвенку, ехавшему впереди неё, тот передал слова её дальше, пока они не дошли до головы отряда. Проводник остановил своего оленя. Тотчас остановился весь табун.

Мать сошла на землю и на морозе стала распелёнывать сына. Раздев маленького буяна донага, она положила его в снег и, смеясь и что-то приговаривая, стала обсыпать его снегом ещё и сверху. Ребенок барахтался и надрывался от крика. Я так был поражён этим необычайным зрелищем, что готов был броситься к ребёнку на помощь. Купание в снегу продолжалось не более одной минуты. Затем мать подняла своё дитя, нежно поцеловала его и быстро стала завертывать в рысий мех; потом уложила в седло-зыбку, ловко вскочила на своего оленя и крикнула проводнику, что можно идти дальше. Минуты через три ребёнок успокоился и всю дорогу спал как убитый.

— Ведь этак ребёнка можно простудить! — обратился я к Попову.

— Нет, — отвечал он, — от этого он не заболит. Нам часто приходится зябнуть на охоте, а придёшь в юрту, завернёшься в шубу и так крепко уснёшь, что добудиться не могут.

Чем больше мы приближались к Уркани, тем снег становился глубже. Олени умерили шаг. Нам же с Поповым это было совершенно всё равно. Мы были на лыжах и не только не отставали от отряда, но порой даже обгоняли его.

Нашим проводником был эвенк небольшого роста, тщедушный, лет сорока пяти. На лице этого человека, самом заурядном, немного скуластом, было такое выражение, как будто он всегда всматривался в даль.

Мы шли по местности донельзя однообразной. Пусть читатель представит себе большую болотистую и слабо всхолмлённую равнину, покрытую снегом. Хоть бы какой-нибудь предмет, на котором можно

* Важенки — самки оленей, матки.

было остановить взгляд и который мог бы служить ориентировочным пунктом: небольшое озеро, одинокая сопка, каменистая россыпь, голая скала... Ничего! Пусто! Ни зверей, ни птиц, никаких следов. И так изо дня в день — подряд шесть суток. Это однообразие утомляло меня, я шёл лениво и на планшете отмечал одно только слово: «Тундра». Однако проводник вёл себя иначе. Он часто оглядывался назад и внимательно смотрел по сторонам.

— Не сбился ли с дороги наш вожатый? — спросил я у Попова.

— Почему вы так думаете?

— Да он всё оглядывается и как будто ищет чего-то.

— А это потому, — отвечал Попов, — что он идёт здесь первый раз.

— Как же он ведёт нас? Какой же он проводник?! — невольно воскликнул я, крайне удивлённый.

— Он знает дорогу, — успокоительно сказал Попов. — Ему старик Ингину рассказал путь на шесть дней вперёд от хребта Быгин-Быгинен. Сегодня мы придём на условное место, где должны встретиться с другими эвенками, которые идут с Амгуни. Мы им передадим двух женщин с детьми. Эти эвенки предупреждены недели три назад.

Слова моего спутника озадачили меня ещё больше. Как можно запомнить дорогу в тундре хотя бы на один день, если даже сам ходил по ней! А ведь этот человек запомнил всё со слов другого, да ещё на шесть суток вперёд! Очевидно, тундра для него не так однообразна, как это кажется мне, — он видит то, чего я не замечаю.

Часа три после этого разговора мы шли по оленьим следам и вдруг увидели наш бивак и оленей, пасущихся на воле.

— Ну вот, — сказал Попов, — мы и дошли до того места, где должна произойти встреча двух отрядов.

Я оглянулся кругом и не увидел никаких следов зимовья или костров, ничего такого, что указывало бы, что место это — перекрёсток двух путей.

Мы простояли здесь двое суток.

К концу третьего дня я стал беспокоиться, что может быть, мы попали не туда, куда следует.

В это время в палатку вошёл эвенк и сообщил, что, другой отряд приближается.

Мы вышли наружу, но в тундре царило полное спокойствие — ничего не было видно и ничего не было слышно. Попов рассеял моё недоумение.

— Взгляните на оленей, — сказал он. — Видите, они часто поднимают головы и смотрят в одну сторону.

Я постоял на морозе и, не дождавсь гостей, вернулся в палатку. Спустя некоторое время Попов вызвал меня снова наружу.

— Слушайте, — сказал мне Попов.

До слуха моего донеслись звуки деревянных побрякушек, которые эвенки вешают на шеи своих «рогатых коней» вместо металлических звонков. Вслед за тем из перелеска выехал человек на большом седловом олене, а за ним длинной вереницей тянулись важеньки. Увидя наши палатки, человек остановился на минуту, осмотрелся и пошёл немного влево.

Это были те самые эвенки, которых мы ждали с таким нетерпением. Они расположились биваком шагах в четырёхстах от нашего табора. Через час вновь прибывшие были у нас. Они привезли новости с Амгуни, говорили о каком-то охотнике, которого задрал медведь, говорили о якутах, о ярмарке и о ценах на пушнину.

Вечером, когда мы с Поповым сидели у печки в палатке, разговор опять зашёл о проводнике, который привёл нас как раз к тому месту, где оба отряда так удачно встретились. Каково же было моё удивление, когда я услышал, что проводник только что пришедшего отряда тоже шёл впервые по этой тундре, по указаниям, данным ему сородичами на девять дней вперёд. Может быть, эвенки, эти скитальцы по тайге и тундре, обладают особо развитым чувством ориентировки?.. Это чувство есть у почтовых голубей и у перелётных птиц.

На следующий день мы передали пришедшим двух женщин с детьми и продолжали свой маршрут на юго-восток.

Характер тундры стал меняться: местность сделалась более холмистой, появились ручьи с берегами, покрытыми хвойно-смешанным лесом. Тут было много звериных следов.

Мы с Поповым шли потихоньку на лыжах и разговаривали между собой. Я заносил наш маршрут на планшет, а он шёл безучастно, пока оленью дорогу не пересекли какие-то следы. Тут Попов остановился, внимательно посмотрел на них и сказал:

— Два человека шли: один — высокий, молодой, другой — низенький и старый.

Действительно, следы были человечесьи. Кто-то шёл по снегу без лыж, причём один пешеход раздвигал коленями снег, а другой шагал прямо через сугробы. Шаг второго был уверенный и сильный. Маленький человек больше наступал на пятку, как это делают старики, и часто отдыхал.

— Это русские, — сказал Попов. — Оба в сапогах.

(Эвенки носят обувь без каблуков, с мягкими подошвами).

Вскоре он опять остановился и добавил:

— У маленького в руках была палка. Он нёс ружьё на ремне через левое плечо, а потом перебросил его через другое плечо.

— Почему? — спросил я удивлённо.

Вместо ответа Попов указал мне на следы. Там, где низкий человек оступался между кочками, приклад его ружья делал отметки

в снегу. Сначала эти отметины были с правой стороны, а потом стали появляться с левой.

Немного дальше Попов поднял корку белого хлеба, по которое он заключил, что поблизости есть зимовье, где можно выпекать кислый хлеб. Тот, кто далеко уходит в горы, несёт с собою только сухари.

Мы оба внимательно рассматривали следы. В одном месте снег оказался истоптанным. Я понял только, что неизвестные люди здесь отдыхали, и причём один из них стоял, а другой сидел на снегу.

— Один человек курит, а другой нет,— заметил Попов, указывая на снег. — Вот тут стоял большой человек и свёртывал папиросу. Он немного просыпал махорки, а тот, что поменьше ростом, ждал, когда товарищ его закурит. У них был обтёртый коробок, и они попортили много спичек. Потом большой человек протянул маленькому руку и помог встать на ноги.

Действительно, по снегу было видно, что маленький человек, вставая, не поворачивался на бок, что, поднимаясь, он крепко упёрся на ноги и глубоко вдавил снег каблуками.

Это чрезвычайно заинтересовало меня. Мы двинулись дальше. Вдруг Попов обернулся и сказал:

— Большой человек сегодня утром ел много солёной рыбы — ему сильно пить хотелось, и он всю дорогу хватал снег горстями.

Следы стали забираться влево, к лесу. Далеко впереди виднелся наш караван. Тоненькой змейкой двигались вьючные олени между сугробами. Отставшие животные казались маленькими точками. Мы взяли направление прямо на них и быстро пошли по занастившемуся снегу. Вскоре олени остановились и сбились в кучу. Когда мы подошли к ним, эвенки развьючивали их и собирались ставить палатки.

— Пойдёмте поищем тех людей,— предложил мне Попов.— Они где-нибудь тут, неподалёку.

— Как ты это узнал? — спросил я у своего приятеля.

— Они здесь прошли,— отвечал он, указывая на следы.— Без лыж по такому снегу далеко не уйдёшь.

Оставив эвенков устраивать бивак, мы пошли по следам, которые скоро привели нас к реке. Многочисленные порубки говорили о том, что те, кого мы ищем, стоят здесь давно и находятся где-то совсем поблизости.

— Погодите, там слышны удары топора,— сказал Попов, указывая на реку.

Не успели мы сделать и двухсот шагов, как увидели дым, а затем и зимовье, сложенное из брёвен, крытое накатником и землёю, а около него двух лошадей. От зимовья вниз по реке шла санная дорога. Когда мы подходили к жилищу, худая собака встретила нас

злобным лаем. Здесь мы застали трёх человек: кривоглазого старика с седой головою, одетого в какую-то ватную кацавейку, и двух лесорубов. Один из них, как Попов и предполагал, был действительно высокого роста, лет тридцати, другой значительно старше и ниже ростом. Это были рабочие лесозаготовительного завода. Старик был караульщиком и кашеваром, а другие двое только два дня назад приехали из Хабаровска и вчера ходили смотреть, много ли в лесу кедра.

Когда я сказал им, как они шли, как несли ружьё, кто из них курил и кто ел солёную рыбу, они очень удивились и спросили, в свою очередь, откуда я знаю такие подробности. Я указал на своего спутника и сказал, что всё это он усмотрел по их следам.

— Вот диво!—воскликнул высокий парень.— Значит, от них,— он кивнул в сторону Попова,— никуда не скроешься... Верно говорили старики, что в лесу надо вести себя хорошо. Выходит, что в городе легче скрыться, чем в тайге.

Попов был настоящим следопытом. Неудивительно, что его сородичи, наши проводники, по признакам, незаметным для моего глаза, нашли друг друга в снежной пустыне.

Мы распрощались с нашими новыми знакомыми и пошли к себе на бивак.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Халтурин.</i> Следопыт Дальнего Востока	5
Страшный зверь	9
Ночь в тайге	15
Пчёлы и муравьи	22
Бой орланов в воздухе	25
Лесной лакомка	30
Лесное предание	33
Рассказ зверолова	38
Филин-рыболов	43
Зимняя охота на кабанов	48
Охота на тигра	53
Зимний поход	66
На острове Ионы	75
В селении орочей	82
Рыбная ловля зимой	87
Смерч на море	91
Шаровая молния	96
Птичий базар	101
Мыс Сюркум	106
В тундре	115